

Пасынки Чудес

Александр «Котобус» Горбов

Пасынки чудес

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Волшебник, решивший стать богом. Девушка с могущественным артефактом. Жрец мёртвой богини. Голубоглазый мальчик-раб и древнее чудовище-дэв. Что у них общего? Для чего их влечет Лестница упирающаяся в небо? Кто из них поднимется на седьмую ступень и решит судьбу целого мира?

Содержание

Глава 1 – Нарушенное равновесие	4
Глава 2 – Жрец мертвой богини	13
Глава 3 – Наследство	23
Глава 4 – Богодел	35
Глава 5 – Камень	47
Глава 6 – Предатель	57
Глава 7 – Искуситель	66
Глава 8 – Дэв	78
Глава 9 – Хрустальный нож	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Александр «Котобус» Горбов

Пасынки чудес

Глава 1 – Нарушенное равновесие

Никогда не спят боги, дэвы и колдуны. В конце полуночной стражи волшебник-шуофкан Хан-го перестал притворяться и открыл глаза.

Рядом на постели заворочалась обнажённая женщина: улыбнулась во сне, провела рукой по его груди, тронула губами плечо.

– Тшшш!

Хан-го легонько подул ей в лицо, усыпляя, и выскользнул из объятий. Не одеваясь, подошёл к окну. Бросил взгляд на звёзды, крадущиеся между ветвями деревьев. Запрокинул лысую голову, прикрыл глаза и прислушался.

Движение Сил было нарушено. Текущие раньше спокойным потоком, теперь они бурлили, закручивались водоворотами, кипели как вода в казане. Кто посмел возмутить вековечный порядок? Ответа не было.

Волшебник поднял руку и дёрнул пальцами невидимые струны. Одежда, цветастые штаны и чёрный халат брошенные на полу, взвились облаком и за мгновение одели Хан-го. Кто-то скажет: зряшная трата сил. Шуофканы могли бы от-

ветить, что для магии нет дел высоких или низких. Но спорить в столь поздний час было некому.

На прощание Хан-го поцеловал женщину в шею, провёл по тяжелой груди ладонью. И покинул дом прежде, чем она могла бы проснуться.

– Спите жители Гаазира, – гремели колотушками где-то рядом ночные сторожа, – в Гаазире всё спокойно!

Шуофкан не заметил их крики. Скользя по тёмным улицам, он вслушивался в дрожащие Силы, мерил набегающие «приливы», с каждым шагом волнуясь всё больше.

Где-то рядом послышался тонкий плач, переходящий в отвратительный вой. Хан-го обернулся на звук: маленький храм, одного из Семнадцати. Какого именно бога, волшебник не помнил. Всегда освещённый неугасимым огнём на алтаре, теперь он стоял с чёрными дырами окон.

Долг каждого шуофкана следить за порядком и ноги Хан-го сами понесли его в тёмный храм. В руке зажглась искра холодного пламени, освещая мрак ярким голубым светом. Истёртые камни пола, расписанные узором из листьев стены, растрескавшаяся глыба алтаря исходит чёрным дымом. Скорчившийся на полу мужчина, хрипло воющий на одной ноте.

– Что случилось?

Шуофкан наклонился над мелко дрожащим жрецом.

– Она ушла, – по лицу толстяка катились слёзы, – забрала огонь и удалилась. Госпожа оставила нас!

Такое изредка случалось: божество могло погасить своё пламя в святилище, где жрецы были не слишком ревностны. Хан-го, как и все волшебники, не любил богов. Скривившись, он подошёл к алтарю, осветил камень. Резьба, со сценами из мифов хозяйки храма, осыпалась песком. Уже было не разобрать, что изваял древний резчик. Луч света упал на стены: фрески чернели на глазах, вспучивались пузырями, опадали хлопьями на пол.

– Чей это храм? – Хан-го вернулся к хнычущему жрецу, – Как зовут твою госпожу?

– Я, – толстяк прижал к лицу руки, – Я забыл! Она забрала имя! Никто не помнит!

Волшебник нахмурился, но больше допытываться не стал. Здесь случилось что-то странное, но жрец вряд ли сможет объяснить. Забирать имя? Зачем?

Он вышел на улицу и обернулся. Символ богини, выбитый над входом, оплывал как расплавленный воск. Прочитать имя было невозможно.

Хан-го зашагал дальше. Улица Трёх праведников, Кривой переулок, Малая базарная площадь. За старыми банями, построенными ещё прадедом нынешнего сердара, волшебник свернул в узкий проулок. Тридцать шагов и перед ним вход в башню Сурх.

В Гаазире башен шуофканов было ровно пятьдесят и одна. Старые, квадратные и приземистые, восьмиугольные, построенные во времена сердара Даравхуша, новые, высокие и

круглые. Шуофканы владели ими сообща, проводя там исследования и творя колдовство. Двадцать лет назад башня Сурх пустовала: шумный базар неподалёку, тесные комнаты и низкие потолки. Ни один волшебник не желал работать в таких условиях. Только Хан-го, недавно закончивший обучение, обосновался здесь. Тяжёлый характер шуофкана и мрачный взгляд отпугивали любого, кто решил сунуться в одинокую башню. Через десятилетие Сурх превратилась в его личную собственность.

Дверь, запертая волшебством, отворилась, стоило Хан-го приблизиться. Шуофкан переступил порог и разулся. Гулко шлёпая босыми ступнями, поднялся по крутой лестнице в рабочий кабинет на верхнем этаже. Посреди комнаты стоял большой стол, покрытый густой вязью линий, по которым непрерывно двигались сотни крохотных фигурок. Хан-го искренне гордился этим своим творением: живой картой Сил и Фигур. Любое изменение магии отражалось здесь как в чистом зеркале. Порой одного взгляда хватало, чтобы обнаружить нового волшебника или вычислить недруга.

Теперь, на столе творился хаос. Линии спутались, часть Фигур свалились на пол, другие стояли обугленные. Карта сломалась? Хан-го взмахнул рукой, в тщетной попытке исправить модель. Фигуры дёрнулись и остались на своих местах, упорствуя, что на карте всё верно.

Волшебник бросился к лестнице и поднялся на плоскую крышу. Раскинул руки и запрокинул голову, обращаясь к

небу.

Порядок высших сфер оказался нарушен. Созвездие «Воин» подняло копьё, целясь в «Журавля». С зубов «Волка» уже капала кровь «Жрицы», а «Великан» опустил дубину на голову «Праведника». «Треугольник» превратился в квадрат, «Муха» запуталась в когтях «Камелопарда», «Жерский Крест» завалился набок и придавил «Глаз создателя». Звёзды сходили с ума и мест, неизменных тысячелетиями. Казалось, мир катится в бездну...

Из транса Хан-го выдернули крики. В первый момент ему почудилось, что начался конец света. Но нет – всего лишь наступило утро и звонкими голосами зашумел базар. Обычным людям было плевать на возмущение Сил и блуждающие звёзды. Они зазывали покупателей, яростно торговались за кувшины, верблюдов, ковры и специи, жарили в кипящем масле мясо, смотрели на танец босоногих девиц, причмокивая губами, спорили, шумели, били по рукам. Просто жили, не обращая внимания на бурю в Вышних Эмпиреях.

Шуофкан спустился обратно в кабинет. Взял с полки кувшин: очень хотелось пить, но из горлышка дохнуло затхлой сыростью. Что делать? Где искать ответы? Хан-го в ярости швырнул кувшин в стену. Черепки брызнули фонтаном, разлетаясь по всей комнате. Совет! Ему нужна мудрость знающего. Учителя.

По лицу волшебника пробежала тень. Последние годы он редко посещал своего наставника. Слишком мягким, нето-

ропливым казался учитель Балх. Предпочитая распутывать, а не разрубать узлы. И давно переставший быть учеником Хан-го лишь кривился, когда на общих собраниях слушал его выступления. Но сейчас обратиться за мудростью было больше не к кому. Выходя из башни, шуофкан зло хлопнул резной дверью.

Утренний город жил своей обычной жизнью. По улицам спешили водоносы и служанки, посланные на базар. Тянулась вереница гружёных верблюдов. Бродяга в драном халате и засаленной тюбетейке на чём свет стоит ругал заупрямившегося осла. Отряд гвардейцев-фарисов гремел медью, маршируя к дворцу. Пробираясь через эту сутолоку, Хан-го мучительно искал слова. Просить помощи было непривычно и неприятно. Он давно уже не тот мальчишка, которого подобрал Балх на улице Гаазира. Могущественный шуофкан, доверенное лицо владыки-сердара, мастер оружейных проклятий, Хан-го краснел от мысли, что наставник прогонит его с позором.

– А-а-а! Вы все умрёте!

Из задумчивости шуофкана вырвал дребезжащий вопль.

– Небо рухнет на землю и придавит вас железным сводом!

На перекрёстке, мешая движению, стояла нищенка. Грязная косматая старуха с кривой палкой в руке.

– Демоны вырвут кишки вашим детям и сожрут их головы!

Человеческий поток огибал надрывающуюся сумасшедшую. Люди делали знаки от сглаза и отводили взгляды.

– Ты! – палка указала на шуофкана, – Ты будешь проклят! Душежор и людоед! Не видать тебе Лестницы! Выкуси!

Хан-го досадливо поморщился и щёлкнул костяшками. Нищенка замолчала и рухнула в мягкую дорожную пыль. Булькая, прижала к лицу ладони. Между грязными пальцами выступила кровь. А шуофкан уходил прочь, уже забыв про сумасшедшую.

Учитель Балх так давно был волшебником, что и сам не помнил, когда было по-другому. Даже свой дом он выстроил наподобие башни: круглый, высотой в три этажа, с узкими окнами-бойницами. Входная дверь никогда не запиралась, всегда открытая для многочисленных учеников и друзей. Хан-го не был здесь много лет, но стоило переступить порог и он внезапно ощутил себя тем юным волшебником, что боготворил наставника.

Хан-го разулся у входа и шлёпая пятками по каменным плиткам, вошёл в большую комнату, где обычно собирались гости.

– Я ждал тебя раньше.

Балх сидел на ковре у дальней стены, скрестив ноги. Рядом, на маленьком столике с резными ножками, стоял чайник и две пиалы.

– Наставник, – Хан-го приложил правую ладонь к сердцу и поклонился.

– Брось, ты уже давно не мой ученик. Садись, поговорим как два старых мудрых волшебника.

Гость устроился напротив, почтительно сложа руки на коленях. Балх налил чай в пиалы и подал одну Хан-го. Особый отвар из листьев айвы, лепестков миндаля и сушёных корок граната, полезный для творящих волшебство.

– Ты всегда был самым лучшим, – Балх улыбнулся, – И первым.

Хан-го наигранно пожал плечами и отхлебнул чай. Похвала сделала горький отвар сладким.

– Что происходит, Балх? Мы дожили до конца света? Или дэвы покинули преисподнюю?

– Хуже, мой друг, гораздо хуже.

Балх вытащил из-за пазухи свиток и отдал гостю. Хан-го развернул тонкий пергамент: Имена, Знаки, переплетение разноцветных линий Силы....

– Я не понимаю, – шуофкан раздражённо дёрнул головой, – всю ночь пытаюсь разобраться и всё впустую.

– Не смотри на тварный план, возьми глубже.

Насупившись, Хан-го снова развернул свиток. Несколько минут щурился, вглядываясь в жёлтый лист, и морщил нос.

– Что-то не так с богами?

– Не так? Не так?!

Балх расхохотался. Громогласно, расплескав чай из пиалы и утирая набежавшие слёзы рукавом халата.

– Ой насмешил, мальчик. С Семнадцатью всё не так. Они

устроили свару и принялись с упоением резать друг друга, вспоминая обиды тысячелетней давности.

– Боги? Резать?!

– А чем они хуже нас с тобой? Гонору и сил до небес, а ума верблюд наплакал. Это людям кажется, что Семнадцать столпы мироздания, а на деле такие же прыщи на пятке вселенной.

– И что теперь?

– Не знаю. На моей памяти войны богов не случилось. Семнадцать... Впрочем, их уже лучше называть Десять, будут выяснять отношения. А нам остаётся смотреть, стараясь не попасть под удар.

Хан-го беззвучно пожевал губами. Допил чай и поднялся.

– Спасибо, учитель.

– Не за что, ты бы и сам догадался.

У самой двери Хан-го догнал голос Балха.

– Мой дом всегда открыт для тебя, Хан. Приходи не как бывший ученик, а как друг. Я буду рад тебя видеть.

Шуофкан обернулся, секунду помедлил, и низко поклонился. А затем стремительно удалился: война богов требовала срочно заняться делами.

Глава 2 – Жрец мертвой богини

Под утро Фатху приснилась богиня. Огль, Восьмая из Семнадцати. Белое покрывало Дарующей было перепачкано синим серебром – божественной кровью. Своей? Чужой? Не разобрать. Она протягивала к нему руки, сложенные в жесте подачи милости. Фатх, исполняя ритуал, подставил морщинистые ладони. Но вместо воды, обещанной по завету, пальцы обожгло пламя. Багровые угли посыпались из дланей Огль, Восьмой из Семнадцати. Жрец закричал и проснулся.

Видение оказалось вещим: ладони были перепачканы чёрной золой и пеплом. Фатх встал с постели и тщательно отмыл руки, размышляя над сном. Что означает такой сон? За долгую службу богини пророчества являлись ему регулярно. Иногда он разгадывал их сразу, но чаще так и не мог выловить из ярких цветных картинок никакого смысла.

Выйдя из домика, жрец присел на скамейку рядом с высоким платаном. Ещё было слишком рано: солнце только выглянуло из-за далёкой горной гряды. Фатх вздохнул и потёр глаза. И зачем он вскочил до рассвета? До завтрака, который принесёт младший служка, ещё далеко. Чем заниматься старику, уже негодному для танцев в храме?

Земля под ногами чуть вздрогнула. Фатх не успел испугаться – старый платан закрипел, кора пошла трещинами, превращаясь в грозное лицо. Серый провал рта расколол

древесину.

– Что ты здесь делаешь, Фатх, служитель Огль, Восьмой из Семнадцати? – голос духа дерева был сух и грозен.

У Фатх засосало под ложечкой, как и всякий раз при явлении божественного. Пальцы старика впились в колени, а по спине бежал холод.

– Сижу.

– Огль, Восьмая из Семнадцати, зовёт тебя, Фатх. Почему ты ещё сидишь?

– Я уже встаю.

Старик поднялся, с трудом удержав равновесие. Страх сделал ноги ватными, а больные колени отказывались служить.

– Ты найдёшь Огль, Восьмую из Семнадцати, в Верхнем храме. Поторопись, Фатх, Танцующий-всю-ночь.

Ствол дерева пошёл волнами, лицо нахмурилось и растворилось в складках коры.

Есть непреложный закон для жрецов: когда богиня, сама или через духов, приказывает, исполнять надо немедленно и не раздумывая. Старый Фатх сделал шаг, другой, третий. Боль в ногах пропала, и он пошёл так быстро, как только мог. Не взяв посох, не переодевшись, в домашнем драном халате. Сейчас одно имело значение: любое промедление заставляет ждать Огль, Восьмую из Семнадцати. Служка, принёсший завтрак, с удивлением нашёл дом старого жреца пустым. А вдалеке, на тропинке к вершине холма, упорно карабкалась

вверх маленькая фигурка.

Всё выше и выше поднимался Фатх. Тяжёлый путь для человека в его возрасте: каждый вдох давался с трудом, от напряжения дрожали ноги, лоб покрылся испариной. Перед очередным поворотом тропинки у жреца засосало под ложечкой. То ли сейчас появится ещё один вестник, чтобы поторопить, то ли просто ужасно хотелось есть. Но за рыжей скалой его ждал не оживший валун или сердитое дерево – на камне сидел дехканин в полосатом халате, и неспешно завтракал, разложив снесь на платке.

– Здравствуй, отец, – крестьянин встал и поклонился жрецу.

Фатх только кивнул в ответ, остановившись и утирая пот.

– Раздели мою трапезу, отче.

– Я, – жрец с трудом перевёл дыхание, – я очень спешу.

– Ты будешь идти до вершины долго, отец. Садись, передохни, поешь. А после я отвезу тебя, – дехканин указал на ослика, меланхолично объедавшего куст около тропы.

Утомлённый Фатх сел рядом с крестьянином. Взял из его рук остро пахнувший козий сыр и кусок лепёшки. Долго жевал, запивая водой из бурдюка. С каждым глотком чувствуя, как возвращаются силы.

– Садись, отец.

Дехканин подвёл к нему ослика. Животное косилось на жреца тёмным глазом и нетерпеливо дёргало ушами.

– Спасибо, добрый человек.

Кряхтя, Фахт сел верхом.

– Разве тебе не надо по своим делам? Я бы дошёл и сам.

На загорелом лице мужчины расплылась лучистая улыбка.

– Помочь патриарху всегда в радость. А служителю Подательницы тем более. Разве не говорит Она, что отданное с открытым сердцем вернётся стократ?

Жрец кивнул, а в голове сами вспомнились строки из священной книги. Да, отдавать надо легко. Дарить, разбрасывать милость, не ожидая ничего в ответ. Первый раз он прочитал их лет в десять, когда суровый наставник вбивал в него сложную науку знаков и букв. Как давно это было! Погружённый в воспоминания, Фатх задремал, раскачиваясь в такт шагов ослика.

– Вот мы и на месте, отец.

Дехканин тронул жреца за плечо. Помог спуститься на землю.

– Благодарю, добрый человек. Да будет твоя жизнь лёгкой, а дети счастливы.

Мужчина приложил руку к сердцу и слегка поклонился. Взял осла под уздцы и пошёл обратно по тропе. Фатх моргнул: воздух вокруг дехканина дрожал, как от жары. Фигурка крестьянина быстро удалялась, словно сбегая от навязчивого взгляда. Раз, и она уже пропала за поворотом. Жрец мог бы поклясться – если он побежит, чтобы догнать попутчика,

то никого на тропе не найдёт. Огль, Восьмая из Семнадцати, одарила усталого старика крохотной милостью.

В храме стояла тишина. Ни топота, ни смеха, ни звуков струн. Все служители исчезли, оставив только гулкую пустоту. Фатх, шаркая по каменному полу, прошёл через общий зал молитвы, святилище с жертвенником, и свернул в узкий проход. Тёмный лабиринт, где жрец помнил каждый поворот, вывел его к глухому тупику. Фатх коснулся тайного рычага, спрятанного за каменным глазом в центре стены. Заворчал скрытый механизм, открывая вход в святой покой.

Никто не мог бы сказать, насколько велико это место. Стены, если они были, терялись в чернильной темноте. Только в центре, из проёма в высоком потолке, сиял столп света. Фатх вошёл в него, прикрыв глаза, чтобы не ослепнуть, и опустился на колени. Зашептал молитву, известную только посвящённым.

– Огль, Дарительница и Подательница. Восьмая из Семнадцати, Первая по благодати. Да наступит день твой, да...

«Я слышу тебя, Танцующий-всю-ночь», – голос богини прозвучал у жреца внутри, заставив вздрогнуть, – «Открой глаза.»

Огль сидела напротив, скрестив ноги. Такая же, как и в день посвящения, когда Фатх впервые увидел богиню. Лишь белое покрывало, прячущее лицо, испачкано синим серебром – божественной кровью.

«Пришло время перемен, Танцующий. Эпоха Семнадцати закончилась».

Глаза Фатха расширились от изумления, но жрец молчал. Перебивший Госпожу – мертвец.

«Боги уже мертвы, мальчик», – в голосе послышалась горечь, – «Последние из них приносят друг друга в жертву, пытаюсь отсрочить неизбежное».

Тысячи раз стоявший у алтаря, Фатх чувствовал свою госпожу. Как из треснувшего кувшина, из неё ручейком вытекала сила. Такие раны не залечить повязкой, не зашептать знахарке. Перед жрецом сидела умирающая богиня. Она сочувственно улыбнулась под покрывалом, прочитав его мысли.

«Не надо меня жалеть, Танцующий. Я видела создание этого мира и, пожалуй, не хочу наблюдать его конец. Всему своё время. Ныне прошло время плясать. Наступает время сетовать, терять и раздирать. Это моё время».

По щекам Фатха потекли редкие слёзы.

«Плачь, Танцующий. В этот час тьмы и боли наступает и твоё время. Собирать, сеять и сберегать».

Огль неожиданно протянула руку и утёрла влагу с лица старика.

«Я даю тебе последнее задание, мальчик. Ты возьмёшь мою благодать Дарительницы. Умение зачерпнуть ладонями и отдать. Пересечёшь пустыню и найдёшь чистую душу. Ту, что понесёт благодать дальше, не прерывая цепочку чудес. Ты понял меня, Танцующий?»

Жрец кивнул.

«Закрой глаза».

Он не почувствовал, когда рука богини вонзилась в его грудь, вкладывая нечто.

«Обещай исполнить, Танцующий. Обещай мне!»

Фатх открыл глаза. Он стоял у подножия холма, и за спиной вилась лента тропы, по которой он поднимался утром. Последняя милость оказанная Огль. Бросив прощальный взгляд, жрец пошёл к Нижнему храму. Идти было легко так, словно десяток, а то и двадцать, лет исчезли. А там, где сердце, тёплый как котёнок, тлел огонь.

Жалобные крики были слышны издалека. Нестройный причитающий хор, и воющий крик солиста. Фатх, даже не глядя, знал, что случилось. Вечный огонь, пылающий без дров на жертвеннике Огль, погас. Нет больше света, льющегося из стен. Стихла музыка, под которую танцевали жрецы. Богиня умерла, оставив храм и детей своих.

Тайным ходом Фатх прошёл в сокровищницу и взял тяжёлый кошель, полный серебра. В камерке служек переоделся в дорожный халат и натянул поношенные, но добротные сапоги. Заглянул на кухню и собрал в узелок немного снеди. А затем незаметно выскользнул из Нижнего храма. Не потому, что боялся обвинения в воровстве – как бывший настоятель, он мог вынести хоть всю сокровищницу. Просто сейчас он был не в силах видеть горе друзей и учеников, лишившихся

благодати Госпожи.

Он прошёл уже полфарсанга, когда услышал позади страшный грохот. Фатх обернулся: Нижний храм рушился. Складывался как домик, построенный детьми из щепок. Взамен белоснежных стен и тонких башенок теперь осталась груда серых камней. Больше не святое место, а могила жрецов и служек Огль. Последняя милость? Наказание за верность? Фатх отвернулся, пряча слёзы, и пошёл дальше.

Не зря его нарекли Танцующий-всю-ночь. Молодым он отплясывал перед жертвенником и сутки, и двое подряд. Годы шли, силы покидали Фатха. Неделю назад он с трудом ходил в Нижний храм на вечернюю службу. Не досидев до конца, засыпал, и кто-то из жрецов отводил его домой. А теперь, ноги сами несли, не зная усталости. Огонь у сердца давал силы, питал старое тело, возвращая молодость. Фатх прошагал всю ночь и чувствовал себя полным сил юношей.

На третий день жрец вошёл в Ахшгафрат. Город, раскалённый полуденным солнцем, казалось, вымер. Пустые улицы, тишина, даже собаки лежали в тени, игнорируя чужака. Фатх нашёл караван-сарай и долго барабанил в дверь.

– Ну? – отворил ему заспанный толстяк и с подозрением уставился на сухого старикашку в пыльном халате.

– Комнату. Воды, чтобы умыться. Еды. – голос жреца, привыкшего повелевать, мигом вразумил хозяина караван-сарая.

– Желаете баню? Недавно пристроили, отделана копским

мрамором. Может быть, комнату в подвале? Там прохладнее, мой господин. Могу предложить зелень, жареного барашка, свежие лепёшки. Если хотите заказать что-то еще, надо будет подождать.

Жрец согласился и на баню, и на барашка, и на подвал. Что толку беречь деньги? Сейчас их достаточно, а потом он что-нибудь придумает.

Уже ночью Фатх, расплатившись за гостеприимство, покинул караван-сарай. С наступлением вечерних сумерек Ахшгафрат ожил. Степенно двигались по улицам водоносы, громко выкрикивая призывы. Спешили по своим делам служанки и рабыни. Открывались лавки и мастерские. Потолкавшись на Ночном Базаре и купив у рябого торговца бурдюк для воды, жрец направился в порт.

Возле длинного каменного причала стояли корабли. Узкие, хищные, с днищами обшитыми шкурами песчаных червей. Только они могли пересечь барханы Песчаного моря. И Фатху нужно было найти место на одном из них.

Он прогулялся по пирсу, разглядывая команды и капитанов. Самый громкий из них, рыжий детина с клетчатым платком на шее, чем-то сразу глянулся жрецу. Остановившись напротив, он принялся разглядывать корабль и кормчего.

– Эй ты! – Рыжий шагнул Фатху наперерез, – Шпионишь? Голову тебе оторвать?

Здоровяк взмахнул рукой, и жрец увидел на запястье тату-

ировку – знак Огль, вписанный в круг. Символ братства Подающих. Лишившийся божественного покровителя, но ещё не знающий об этом.

– Пусть славится та, чьи руки никогда не бывают пустыми, – Фатх низко поклонился.

– Да не оскудеет длань подающая, – недоверчиво отозвался рыжий.

– И да будут дети её всегда щедры, не ради награды, а по велению души, – закончил ритуальную фразу жрец.

Теперь пришёл черёд кланяться рыжему.

– Что ты ищешь, брат?

– Мне нужно пересечь Песчаное море. Куда вы направляетесь?

– Исфхан, брат.

– Возьмёшь меня пассажиром?

Рыжий хлопнул его по плечу.

– Конечно, брат. Поднимайся на борт.

Ещё до рассвета корабль расправил паруса и, шурша песком, заскользил на восток. Фатх стоял на корме и смотрел на уменьшающийся город. Впереди было долгое путешествие, которое станет для него последним.

Глава 3 – Наследство

На сороковой день после похорон явился судья-дадвар. Толстяк, соблюдая приличия, состроил скорбное выражение лица и тяжело вздохнул, пересекая порог. Неспешно съел предложенную тёткой Зарой медовую поминальную лепёшечку. Позволил дядьке Хабиру подхватить себя под руку, отвести во внутренний дворик и усадить на подушки. И тотчас напустил суровый вид, вытащил из объёмистого баула Книгу правильных суждений и раскрыл перед собой.

– Во имя благих Семнадцати, да будет рассмотрено дело о наследстве Банара из рода Зугд.

Миназ косился на важного дадвара и в животе рождался холодок страха. Ему ещё нет пятнадцати! Кого судья назначит опекуном? Неужели дядьку Хабира? Отец никогда не любил этого тощего, похожего на землеройку, человека. А если дядька объявит, что сам наследник?

– Да будет суждение моё верно перед богами и людьми!

Толстяк утёр лоб шелковым платком и взялся за сумку с документами.

– Так-так. Сначала выясним наследников. Затем перечтём имущество покойного. Сосчитаем долги, сделанные усопшим. И назначим справедливое разделение.

К радости Миназа, дядька Хабир сразу же отказался от наследования. И заверил, что другие родичи не претендуют.

О чём, с почтением, уведомил многоуважаемого давара. Да, и письма имеются, подписаны всеми родственниками. Единственный наследник – вот стоит, Миназ, сын вышеупомянутого Банара из рода Зугд.

Судья окинул холодным взглядом мальчика, кивнул и продолжил разбирать дело. Пришло время перечислить имущество.

– Дом. Сад. Виноградник. Лавка на Серой улице...

Толстяк чмокал губами, записывая в свиток каждый пункт. Словно чревоугодник, наблюдающий за переменной блюд на пиру.

– Так-так. Имущество ценою шесть тысяч триста дирхемов.

Снова бросив взгляд на мальчика, давдар почесал второй подбородок. Миназ поёжился, как от холодного ветра. Тяжело перенеся смерть родителей, он смутно представлял, как жить дальше. Набежавшая родня со стороны матери, казалось, хотела помочь, но сквозило в их поведении что-то липкое, противное. А ещё Миназ стал замечать, что в доме не хватает вещей. Утащили многочисленные тётки и дядьки? От этого становилось горько, но как изменить положение, мальчик не знал. И что делать сейчас, что говорить судье, а посоветоваться было не с кем.

– Теперь займёмся долгами покойного Банара.

На лице дядьки Хабира промелькнула усмешка. Злая и одновременно довольная.

– По закону, как записано в Книге правильных суждений, каждый желающий получить долг с имущества покойного, должен заранее подать долговые расписки. Во исполнение закона они были поданы и мной рассмотрены.

Дадвар пожевал губами и вытащил из баула стопку пергаменных листов. Торжественно, как жрец на празднике, толстяк брал их по одному, зачитывал и вносил запись в свиток.

– Расписка, в том, что Банар из рода Зугд, одолжил триста дирхемов своему шуруну, Хабиру из рода Ушусим.

Внутри Миназа всё оборвалось. Не может быть! Отец не мог брать такие суммы, тем более у дядьки. Не было у этого пройдохи таких денег!

– Расписка, в том, что Банар из рода Зугд, одолжил пятьсот дирхемов своему шуруну, Хабиру из рода Ушусим.

А толстый дадвар всё читал и читал.

– Нет! Не брал отец этих денег! – не выдержал Миназ, сорвавшись на крик.

Судья осуждающе погрозил пальцем.

– Здесь стоит его подпись, мальчик. Или ты не веришь дадвару, исполняющего волю Семнадцати?!

Миназ сник. Чтобы спорить с судьёй надо быть отцом, знающим все судебские уловки.

– Подсчитаем, сколько всего был должен покойный.

Загибая пальцы, морща лоб и шевеля губами, толстяк принялся считать.

– Так-так. Итого, долг усопшего Банара из рода Зугд, со-

ставляет...

Дадвар сделал многозначительную паузу и поднял указательный палец.

– Шесть тысяч пятьсот дирхемов. Пусть имущество будет передано в счёт погашения долгов, как гласит Книга правильных суждений.

В горле у Миназа пересохло: в один момент судья сделал его нищим. В глазах предательски защипало, и он прижал к лицу рукав халата. А Хабир нахмурился и взглядом указал судье на мальчика. Толстяк кивнул и перелистнул страницы книги перед собой.

– Но остаётся ещё двести дирхемов, не погашенных имуществом. Их должен выплатить наследник покойного. У тебя есть двести дирхемов, мальчик?

Ответить судье Миназу было нечего. Откуда у него деньги?

– В таком случае закон говорит: если человек должен и не может выплатить долг, да будет он продан на торге в рабство, и из вырученных денег отдадут заимодавцу.

Мальчик вздрогнул, как от удара. Продать? Его?

– Может кто-то из родственников желает выплатить долг?

Дядька Хабир, с печальным выражением лица, открыл рот, собираясь что-то сказать.

– Это всё ты! – Миназ бросился к дядьке, – Ты это специально! Подделал расписки! Отец никогда бы не стал брать у тебя денег!

Звонкая пощёчина заставила мальчика отлететь.

– Щенок! Кусаешь руку, которой я хотел тебя выкупить? Злом отвечаешь на добро? Гадёныш, как и твой отец. Пусть тебя продадут самому гнусному из людей...

Миназ не стал дослушивать и бросился прочь. Сбежать! Он уйдёт из города, пойдёт пешком к родне отца...

– Ты куда?! – на выходе из дома его схватил за шиворот дюжий помощник дадвара, карауливший снаружи, – Сбежать решил?

Как рыба на крючке, мальчик забился в цепкой хватке. Дёрнулся в одну сторону, другую. Заорал. Вывернулся, рванул. И оставив в руках мужчины пустой халат, побежал прочь.

– Стой!

Но догнать быстрого мальчика помощник дадвара уже не смог. Миназ свернул в один переулок, в другой, вихрем пробежал через пустырь и нырнул в лабиринт узких улиц Старого города.

Глухие стены, запертые двери, пыль под ногами, повороты одним за другим. Дыхание сбилось и Миназ, не слыша погоню за спиной, остановился. Куда теперь бежать? Что делать? Где искать защиты? Ни одной идеи не приходило. Он посмотрел на ноги: одну туфлю он потерял, а другая просила плова, как говорила мать. Мальчик всхлипнул от накатившего воспоминания. Мама, скажи, почему я не умер вместе с вами?

Он долго бродил по городу. Старался не показываться на глаза стражникам, сторонился людей и судорожно искал выход. Идти к деду, отцу папы? Босиком, без халата и припасов он не пройдёт и пары фарсангов. А где достать? Украсть? Он замотал головой. Нет и нет: он не умеет, да и страх, что его поймают и отрубят руку как вору, жёг раскалённым углем. Тогда что делать? Никто из родни матери ему не поможет. Тут он вспомнил двоюродную тётку Азад. Бедная вдова, с которой семья почти не общалась. Только мать навещала несчастную, таская ей то рис, то сладости, то одежду. Отец хмыкал, но никогда не говорил и слова против. Да, пожалуй, только она и согласилась бы укрыть бедного сироту.

К дому Азад пришлось идти через весь город. Уже стемнело, когда Миназ постучал в дверь, выкрашенную синей краской. Очень долго никто не открывал, и мальчик почти отчаялся. Может её нет дома? Она уехала? Умерла?

– Кто там? – голос из-за двери звучал строго и сухо.

– Тётя Азад, это я! Миназ, вы меня помните?

Скрипнули плохо смазанные петли.

– Мальчик мой, что случилось?

Лицо рано постаревшей женщины показалось таким родным, что у Миназа потекли слёзы.

– Они хотели меня продать, тётя. Толстый дадвар и дядя Хабир и тётя Зара. Сказали, что папа был должен и...

– Заходи! Быстро!

Женщина втащила его внутрь и захлопнула дверь.

– Подожди, сначала приведём тебя в порядок, после расскажешь.

Она заставила его умыться, дала старый халат и накормила. Обычной пресной лепёшкой и варёным бургулем. Не ешшему весь день мальчику они показались пищей богов. Чай, жидкий и безвкусный, Миназ выпил как мёд.

– Рассказывай, – тётка подлила из старого чайника ему в пиалу, – с самого начала.

Выслушала, качая головой. Пожевала губами.

– Банар не стал бы занимать такие деньги. Даже представить не могу, где твой дядя взял эти расписки. Не знаю, мальчик, не знаю.

– Я хочу уехать к деду, в Эрзум.

– Правильно, – Азад кивнула, – дед тебя в обиду не даст.

– Тётя, помоги мне, пожалуйста! Я не знаю дороги, я...

Она махнула рукой.

– Ай! Не говори глупости: я всего лишь женщина. А ты уже мужчина. Пристроишься к купеческому каравану и доберёшься. Но вот одежду тебе надо подобрать, да. Ладно, придумаем что-нибудь. Давай-ка, ложись спать. Утром будем думать.

Проснулся Миназ рано. Обошёл немногочисленные комнаты и не нашёл ни одной живой души: дом стоял пустым. Зато на кухне, под белым платком нашлась свежая лепёшка и ещё тёплый чайник.

Он не успел позавтракать, когда входная дверь хлопнула,

послышался шум и через минуту вошла тётка Азад.

– Кушаешь? Молодец. Я принесла тебе одежду. Доедай и одевайся.

Миназ запихнул в рот последний кусок, запил чаем и развернул свёрток, брошенный Азад рядом с ним. Потёртые туфли на толстой подошве и старенький халат в заплатах оказались большими, но выбирать было не из чего.

– Спасибо, тётя.

– Ерунда. Твоя мать мне больше сделала. Ты слушай: сейчас выйдешь от меня и иди на Большой базар. Через несколько часов выходит караван в Мехбад. Уговори хозяина взять тебя – котлы чистить, верблюдов кормить, хоть ноги ему мыть обещаю. Главное, из города убраться. Понял?

– Да, тётя.

– Всё, доел? Тогда иди.

Она проводила его до выхода, поцеловала сухими губами в лоб и открыла дверь. Миназ вышел на улицу, щурясь от яркого солнца, и за спиной лязгнул засов.

– Здравствуй, дорогой.

Ещё моргая, Миназ огляделся. С одной стороны улочки стоял детина, улыбающийся щербатым ртом. С другой – дядвар с помощником и дядька Хабир.

– Думал убежать?

Миназ, не размышляя, рванул в сторону детины: мимо одного будет легче прорваться. Тот стоял, всё так же улыбался и даже не сдвинулся с места. Но когда мальчик попытался

проскочить мимо, резко выкинул руку в сторону.

Перед глазами Миназа всё закружилось, он ударился о стену дома и сполз в дорожную пыль. Больно! Очень-очень больно! А ему уже скрутили руки, затянули верёвкой и вздёрнули на ноги.

– Никуда тебе не деться, птенчик, – жарко дыхнул в ухо голос дядьки, – Весь в папочку, гадёныш. Ничего, тебя быстро научат слушаться.

Он хотел ответить, сказать, что обязательно отомстит, накажет. Но сил не хватило. А в голове звенел гадкий смех родственника. Миназа подняли и куда-то потащили.

Три дня он провёл в аду. Колодки, сарай, где держали таких же бедолаг, скудная еда на закате. А затем его вывели на помост и продали купцу из Тадмора. Через неделю караван тадморца покинул долину, где родился Миназ, и ушёл в пустыню.

* * *

– Просыпайся, отродье иблиса!

Тычок остроносой туфли под рёбра был не чувствительный, но очень обидный. Косоглазый Касым пнул мальчика ещё раз и украдкой глянул на шёлковую занавесь, за которой спал хозяин каравана.

– Будь проклят плешивый торговец, продавший тебя, – шёпот Касыма булькал и шипел, – бегом, маленький вонюч-

ка. Господин скоро проснётся, и ему потребуется свежая вода для омовения.

Миназ встал, потирая кулаком заспанные глаза. Подхватил деревянное ведёрко на длинной верёвке и вышел из шатра.

Над пустыней лежала обнажённая ночь, с драгоценностями-звездами на груди. Холодный ветер шелестел песчинками и где-то в темноте всхрапывали верблюды.

– Ну погоди, Касым, – лёгким шагом мальчик двинулся между шатров, – пожалуюсь господину, что ты гоняешь меня ни свет ни заря. Да и самого господина разбудить можешь.

Колодец, сложенный из гладких булыжников, вынырнул из темноты. Миназ, замечтавшись о взбучке для недруга, больно стукнулся большим пальцем ноги о камни колодца. Слезы покатались из зажмуренных глаз. И следом за ними явились остальные печали – мальчику стало ужасно жалко себя. Плюхнувшись на песок и уткнувшись лицом в ладони, он заплакал о пропащей жизни.

А через мгновение слёзы кончились. Осталась непривычная взрослая пустота и снисходительная усмешка. Что взять с глупого раба? Что кроме плача, может себе позволить жалкий ребёнок?

Нет, так не пойдёт! Встав и отерев лицо шершавыми ладонями, мальчик с остервенением стал спихивать тяжёлую крышку с колодца. Он не будет плакать – его предки были воинами, купцами, путешественниками. Они никогда не

позволяли себе расклеиться от мелких потерь. Ну и что, что раб? Зато жив, не калека, и впереди ещё целая жизнь. Тысячи возможностей чтобы выкупить себя или, в крайнем случае, сбежать. В конце концов, он Миназ, сын Банара из рода Зугд. Его предки владели тысячами таких караванов. И он будет владеть, если не раскиснет и возьмёт себя в руки.

Расплёскивая холодную, тёмную как небо воду, мальчик вытащил из колодца ведро. Осторожно поставил на песок, и присев рядом на колени впервые за долгие дни умылся. Тяжёлые капли, срываясь с подбородка, падали в песок. А мальчик, подняв глаза к алмазной пыли звёзд, шептал стихи древнего гимна.

«И да будет слово Твоё как закон».

Пересыпающийся песок шипел змеёй, обтекая босые ступни.

«Да не оставит меня милость Твоя. Последую за перстом Твоим и заповеди исполню Твои».

Ветер колыхнул грязные пряди волос.

«Голос Твой услышу со дна темницы, из царского дворца уйду по воле Твоей».

Далёкий вой прокатился над головой.

«Я глина в руках твоих. Возьми и исполни задуманное до создания мира. Да не воспротивится сердце моё и разумение».

Мальчик зачерпнул из ведра и поднял сложенные лодочкой ладошки, протягивая холодной глоток небу. Звёзды, от-

ражаясь в предложенной воде, с удивлением взирали на маленького раба, сотворившего древний ритуал. А он смотрел на них и ждал знамения. Знака, дарящего надежду. Но небеса молчали, играя неслышимую музыку сфер.

Руки опустились, выливая воду. Миназ поднялся и, сгибаясь под тяжестью ведра, побрёл обратно к шатру. Не видя, как из созвездия Стража полетела к земле падающая звезда. Знак? К добру? Ко злу? Кто из живущих знает – пусть молчит.

Глава 4 – Богодел

Они ждали Хан-Го в переулке рядом с башней. Десяток гвардейцев-фарисов в багровых плащах и высоких шлемах.

– Шуофкан, – сотник Балик Железнуюрукий сделал шаг вперёд, положив ладонь на рукоять меча, – по велению сердара, ты пойдёшь с нами.

Волшебник кивнул, удивляясь такому обороту дел. Он внезапно впал в немилость? Но спорить Хан-Го не стал. Идти? Пожалуйста, он законопослушный шуофкан, следует указаниям владыки.

Шагая в окружении фарисов, Хан-Го размышлял о причинах внезапного вызова. Неделю назад, в тот день, когда он встречался с Балхом, сердар уехал на охоту. Ничего необычного, иногда на владыку нападала такая блажь. Интересно, сердар уже вернулся и жаждет увидеть любимого шуофкана? Или кто-то из придворных решил посоветоваться с волшебником? Вины, ни явной, ни тайной, Хан-Го за собой не считал.

Они вышли из лабиринта улиц и пересекли огромную Площадь собраний. Но фарисы не повели его к главному входу дворца, свернув направо. Пройдя вдоль стены, Балик Железнуюрукий приказал остановиться около окованной железом неприметной двери. На троекратный стук им открыл фарис в синем плаще.

– В городе наступает ночь.

– И только бессмертные всегда на посту.

– Проходите.

Хан-Го усмехнулся забавному паролю, но запоминать не стал: каждый вечер его меняли, выбирая строки из случайной книги.

Балик отослал остальных фарисов и сам повёл шуофкана через задний двор цитадели. Вокруг царила жизнь, обычно скрытая от досужих глаз: готовили еду для челяди, сушилась одежда на растянутых верёвках, бегали слуги, а в загончике квохтали куры. Хан-го подумал, что заглянул в тайный механизм часов дворца: грубые железные шестерни,двигающие золотые стрелки на парадном циферблате.

– Сюда, шуофкан, – Балик указал на вход для слуг.

Недолго поплутав коридорами, сотник привёл его к низкой двери под охраной двух фарисов.

– Проходи, волшебник. Тебя ждут.

Хан-Го кивнул и согнувшись вошёл внутрь.

Это была спальня: широкое ложе, застеленное покрывалами; пол устлан коврами; клетки с певчими птицами; роспись из листьев на стенах. Выстроившись рядком, замерло несколько придворных в расшитых золотом халатах. На постели лежал хозяин комнаты, дворца и державы – сердар Камбис Второй. Бледный, дрожащий как в лихорадке, накрытый стёганым одеялом до подбородка. Рядом суетились врач и старая кормилица. Хан-го сделал два шага вперёд и

поклонился.

– А вот и ты, Хан, подойди, – голос владыки потерял бы-
лую мощь и теперь скрежетал полушёпотом, – Ближе, сядь
рядом со мной.

Шуофкан присел на край ложа, гадая, что произошло с
сердаром. Ранен во время охоты? Болен?

– Все вон! – сердар приподнялся и рывкнул неожиданно
громко.

Царедворцы попятились и с поклонами исчезли за две-
рью.

– Вы тоже.

Камбис уже мягче обратился к лекарю и кормилице. Ста-
руха недовольно заворчала.

– Иди, бибиям, – на лице Камбиса появилась слабая ви-
новатая улыбка, – я должен поговорить с ним один.

Оставшись наедине с шуофканом, владыка откинулся на
подушки тяжело дыша.

– Как я тебе, Хан? Похож на умирающего?

– Глупости, Кам, – Хан-Го нахмурился, – ты ещё меня пе-
реживёшь.

Жизнь иногда складывается так причудливо, что можно
только развести руками. Шуофкан Хан-Го и сердар Камбис
Второй дружили. С того момента, как молодой волшебник
помог молодому принцу выпутаться из очень скверной ис-
тории. Помог и не потребовал награды, даже когда на голову
Камбиса опустился царственный венец. Совершенно разные,

по темпераменту, вкусам и желаниям, они частенько встречались, играли в «смерть владыки», спорили, просто молчали рядом за кувшином старого вина. Для настоящей дружбы этого бывает достаточно.

– Переживу? А как тебе это?

Сердар откинул одеяло. Всё тело владыки было покрыто язвами. Постель под мужчиной была мокрой от пота и сочащейся крови.

– Скверно. Что говорит лекарь?

Губы Камбиса искривились.

– Что он может сделать против Них? Только приглушить боль.

Шуофкан вопросительно поднял бровь.

– Не говори, что ты не знаешь про свару Семнадцати. Уроды!

– А при чём здесь ты, Кам?

– Не строй из себя дурака. Откуда они берут силы? Из людей! Из каждого кто ходит в их грязные храмы. А я ведь приношу главные жертвы Семнадцати за всю страну, не забыл? Они рвут мне жилы, Хан! Я не хочу умирать за этих свиней!

Сердар закашлялся, так что на губах выступила розовая пена.

– Они рвут друг друга, мрут сами, а платим за всё мы. Будто посадили дерево, и оно пронизало всю страну корнями. Храмами, алтарями, жрецами, мной. Мной, Хан! А теперь выдёргивают дерево, тянут корни. И как берег без поддерж-

ки, страна начинает сползать в бурную реку.

Он снова захрипел. Хан-Го провёл рукой над лицом владыки. Ладонь замерцала тёплым светом, отогнала серость, возвращая коже привычный цвет.

– Ты не слышал, что творится в стране? Засуха в одном городе, наводнение в другом, странные болезни, саранча... Страна умирает вслед за Семнадцатью!

– Что ты хочешь от меня, Кам?

Глаза сердара стали тёмными, на лбу залегли морщины. Он приподнялся, приближая лицо к волшебнику.

– Дай нам бога.

– Что?!

– Создай нам нового бога, шуофкан.

Хан-Го застыл, не в силах ответить.

– Я знаю, вы можете. Во времена моего отца вы подняли руку на Семнадцать, сделали своего бога. Я читал в книгах. Вы проиграли, но вы же могли!

– Нет!

– Это моё последнее слово, Хан-го, – тон сердара стал грозным, – сделай нам бога, или я уничтожу шуофканов. Я уже приказал фарисам: вырезать всех до единого в день моей смерти. Понял?

Камбис упал на постель и махнул рукой, отпуская волшебника. Когда Хан-Го поклонился у двери, сердар повторил:

– Сделай, Хан. Дай нам нового защитника.

В комнату вернулась кормилица с лекарем и сердар

умолк.

* * *

От эскорта Хан-Го отказался. В одиночестве пошёл обратно в башню, размышляя над ультиматумом сердара. Люди, шедшие навстречу, сами отходили с его пути – лицо волшебника кривилось в страшных гримасах. Он мучительно, капля за каплей, выискивал в памяти всё что знал о давнем восстании шуофканов. Вспоминалось мало, и уж точно не рецепт по сотворению бога.

У дверей башни его ждал полный чернявый юноша в зелёном халате.

– Добрый день, учитель!

Волшебник холодно кивнул. Каждый год, шуофкан обязан взять под крыло хотя бы одного молодого человека, жаждущего знаний. Одни, без способностей к волшебству, станут государственными чиновниками. Другие – врачами, землемерами и судьями. И лишь единицы могут сдать экзамен на звание шуофкана. Всем, независимо от способностей, наставник должен вложить знание законов: людей, магии, природы и государства. Но этого ученика Хан-Го не любил. Бездарность – таков был вердикт в первую же неделю обучения. Лентяй – стало понятно на третью. Дурак, подытожил волшебник через месяц. Но его отец, наместник одной из провинций, щедро отсыпал плату и Хан-Го оставил неуча.

– Учитель, разрешите напомнить, сегодня большое собрание шуофканов.

– Сегодня? – волшебник скривился как от зубной боли, – Хорошо что сказал, Вазид. Знаешь где лежат свитки?

– Да, учитель.

– Заверни во что-нибудь и жди меня у входа.

Оставив ученика собираться, Хан-Го поднялся в кабинет. На книжной полке, в самом дальнем углу, нашёл невзрачный томик. Летопись шуофканов – самая бесполезная из рукописей в библиотеке волшебника. Но теперь пригодилось и она.

Неизвестный хронист уделил войне шуофканов с богами всего пару страниц. Стесняясь позорного поражения, просто отметил сам факт: да, было, проиграли. Никаких подробностей, никакого творения богов: восстали, разгромлены, виновные наказаны. Полновесные мастера казнены, ученики покаялись. Хронист без утайки перечислил списки и тех и других. Главный зачинщик Нариман Седой, его поддержали Бэхрем Чёрный, Фархад Кузнец и ещё десяток шуофканов. Следом, ещё множество учеников и помощников. Хан-Го скользил по именам взглядом: большинство уже умерли, остальные исчезли ещё в ту пору. Но тут мелькнуло знакомое имя: Балх, воспитанник Бэхрэма Чёрного.

От удивления Хан-Го прикусил губу. Учитель, ты успел поучаствовать? Был слишком юн и тебя не стали наказывать? Но я-то знаю: ученик всегда знает дела наставника. Если не во всех подробностях, но уж точно может многое рассказать.

Захлопнув книгу, шуофкан вышел из кабинета. Он должен спросить у Балха, как Бэхрем Чёрный делал бога. А если он откажется отвечать, Хан-Го знает маленький секрет.

* * *

Крепость шуофканов – так называли это место. Но никаких стен, башен и рвов здесь не было. Просто огромный сад, где круглый год цвели вишнёвые деревья. И строение из белого камня в центре, больше похожее на усыпальницу. Но рискнувший пройти по аллеям, посыпанным жёлтым песком, или заглянуть внутрь, больше никогда не возвращался. Твердыня волшебников умела хранить свои секреты.

Хан-Го, и семенящий за ним Вазид, пересекли сад и вошли во дворец шуофканов. За створками дверей в три роста человека их ждал огромный зал. Ряд колонн делил его на две части: внутренний круг для полноправных волшебников, и внешний, для учеников. Хан-Го, не оглядываясь, направился к своему месту. А Вазид свернул к низенькому столику, за которым сидел морщинистый волшебник.

– Доброго дня, мастер, – юноша поклонился и вывалил свитки перед стариком, – примите на хранение от шуофкана Хан-Го.

Архивариус мрачно прищурился.

– Опять всё перепутано? Сколько раз повторять: нужно пронумеровать, подписать и сложить по дням.

– Простите, мастер, – Вазид скорбно повесил голову, – никак не получается. Хан-Го всегда очень торопится и я не успеваю...

Юноша отступил в сторону, пропуская к столу следующего ученика со свитками в руках. Сделал шаг назад, ещё один, и скрылся от глаз архивариуса и растворился в толпе.

Побродив между учениками, Вазид заметил кое-кого у стены на лавочке. Голубоглазую девушку, одетую по-мужски.

– Привет, Дана! – юноша плюхнулся рядом с ней на лавочку, – Не знаешь, сегодня надолго?

Волшебство не знает пола. Шуофканы принимали в ученики и юношей и девиц, если они появлялись на пороге. Так что бежали, бежали юные красавицы из-под строгого семейного надзора к башням, падали на колени, умоляли не выгонять. Не многие обладали даром, но если выпал случай – никто уже не мог забрать счастливицу. И среди шуофканов женщины не считались редкостью.

– Тебе всё не терпится, – девушка поморщилась, – зачем ты шёл учиться, если только и делаешь, что пьёшь вино и шляешься по весёлым домам?

– Во-первых, мне идёт зелёный судейский халат, а для его получения надо три года быть учеником. Во-вторых, законы я уже знаю и больше в мою голову ничего не лезет. Ну и в-третьих, сама подумай, какой из меня шуофкан? Я не смогу с таким серьёзным лицом всю жизнь ходить.

Вазид скорчил рожу, весьма похожую на Хан-Го и Балха одновременно, и поднял руки, изображая ритуальный призыв. Девушка улыбнулась, прикрыв рот ладошкой.

– Ты бы мог стать лицедеем, Вазид.

– Ой нет, всю жизнь в дороге, шумная публика и площади.

Нет уж – стану судьёй, буду ходить толстый и важный, смотреть на всех свысока. Отращу три или четыре подбородка. Женюсь, наверное.

– А скучно не будет?

Юноша вздохнул.

– Будет. Но я отцу обещал, а он знаешь какой строгий. Хочешь, не хочешь, а придётся. И невесту мне уже подобрали.

Вздохнув, Вазид посмотрел в сторону шуофканов, вставших в большой круг.

– Нет, колдуном быть ещё скучнее, чем судьёй. Ладно, сиди, а я пойду сплетни послушаю. Хоть какая-то польза от этого сборища.

И неудавшийся волшебник сбежал в толпу учеников.

* * *

Они снова встретились после окончания всех ритуалов. Хан-Го и Балх вышли вместе, немного прогулялись по саду и остановились под вишней, подальше от лишних ушей. Двум ученикам оставалось только ждать поодаль, когда учителя наговорятся. Слова до них не долетали – кто-то из волшеб-

ников сотворил ветерок, гуляющий кругом и смешивающий звуки в невнятное бу-бу-бу.

– Не лезь, – Балх скривил губы, – тебя растопчут.

– Я должен попробовать.

Хан-Го пожал плечами.

– Кому ты должен? Хочешь закончить как Бэхрем? Распятым между землёй и небом, для назидания всех живых? Он висел так три года. Три! Думаешь, тебе выберут участь полегче?

– Балх, оглянись! Время Семнадцати заканчивается. Сколько их осталось? Семь? Пять? И они не прекращают свару.

– Закончат, не волнуйся.

– Расскажи мне рецепт Бэхрема. Ты ведь был с ним, видел и должен помнить.

– Не будет никаких рецептов, Хан. Думаешь он делился с учениками такими тайнами? Даже если бы я знал, то не рассказал даже под пыткой. Люди должны оставаться людьми, а боги богами.

– Боги превращают друг друга в мертвецов. И скоро сделают это же с людьми.

– Ерунда, – Балх отмахнулся, – Ещё немного и всё придёт в норму.

– Не уводи разговор. Как Бэхрем делал бога?

– Лишь собирался. Хронисты напутали, Хан, не было никакого сотворённого бога. Только намерения и куча горды-

ни. У него всё равно бы ничего не вышло.

– Ты лжёшь.

Балх устало пожал плечами.

– Я всё сказал. А теперь пойду домой и буду отдыхать.

Старый шуофкан пошёл прочь, но через несколько шагов обернулся.

– Как раздумаешь заниматься глупостями, приходи в гости. У меня есть для тебя подарок: интереснейший трактат о травах.

Хан-Го ещё долго стоял под вишней и задумчиво обрывал лепестки с цветов. Смотрел тяжёлым взглядом в пустоту и хмурился. Пока в глазах не мелькнуло удивление. Что-то вспомнил шуофкан, отчего сразу же повеселел. Отпустил совсем заскучавшего Вазида и бодрым шагом пошёл домой. И старому Балху, увидь он в этот момент своего ученика, стоило побеспокоиться о тайне богоделанья.

Глава 5 – Камень

Масхул Золотой Палец, купец из Тадмора, считал себя философом. Чтобы унять скуку в дальних переходах, он размышлял об устройстве мира, справедливости, богах и прочих высших материях. Позже, на привале, самые дельные мысли записывались в свиток. Кто знает, может через сотню лет его будут вспоминать как мудрейшего из мудрых?

Сегодня Масхул Золотой Палец думал о числах. Покачиваясь в такт шагам на спине верблюда, купец вывел, что умение считать есть величайшее благо. Вот он, к примеру, знает как сложить, умножить и поделить. И результат: Золотого Пальца знают как одного из умнейших купцов во всех городах Большой пустыни. Правильно? Правильно. А его племянник, Касым, не научился считать в уме и загибает пальцы, когда подсчитывает мелочь. Такая его судьба – быть простым погонщиком. Или вот мальчик-раб, купленный несколько месяцев назад. Наверняка не умеет считать, оттого и получил незавидную судьбу.

– Касым! – купец, несмотря на склонность к размышлениям, был практиком, – спроси у мальчишки, как его там, Миназа, он умеет считать?

За спиной по цепочке пробежали выкрики караванщиков. Сначала в самый хвост, затем обратно.

– Умеет, дядя. Говорит, может складывать, отнимать и де-

лить.

Купец нахмурился. Такая замечательная, стройная теория дала сбой. Но через минуту Масхул довольно хмыкнул. Всё правильно: раб умеет считать, и в результате попал к хорошему хозяину. Его не бьют без вины, досыта кормят из общего котла и он едет на верблюде. Золотой Палец очень гордился своей бережливостью: даже рабы в его караване ехали верхом. Раб, считал он, это не ноги, чтобы ходить. Это руки, чтобы делать, глаза чтобы смотреть и докладывать, голова, чтобы думать о хозяйской прибыли. А ходят пусть верблюды.

Солнце падало к горизонту, тени барханов удлинялись и Масхула кольнуло беспокойство. Они давно должны были выйти к Белым останцам, где у колодца планировался ночлег. Золотой Палец шлёпнул верблюда, понукая догнать голову каравана.

Проводник, Хромой Малик, при появлении купца только пожал плечами. Да, немного заплутали, бывает. Пустыня непостоянна, как горячая красавица. Вчера был путь – сегодня нет. Не стоит беспокоиться, всё равно куда-нибудь дойдём. Или не дойдём, да будет милостив к нам Пятирукий демон Чу.

Вздохнув, купец провёл рукой по лицу, делая знак от тёмных сил. И мысленно пообещал Пятирукому принести в жертву десяток голубей. Семнадцать далеко, а демон бродит между барханов, водя кругами неосторожных.

Караван остановился. Нет, не как обычно, когда провод-

ник громко кричит, поднимая руку, и длинная цепочка верблюдов с достоинством сбавляет шаг. Сейчас же, Масхул моргнул, открыл глаза и чуть не закричал. Все животные замерли, мелко подрагивая. В разлившийся тишине, когда ни люди ни верблюды не смели даже дышать, караван укрыла чужая воля. Холодная, безразличная, заглядывающая в каждую пазуху. Что везёте? Кто такие? Куда следуете?

Золотой Палец сглотнул горькую слюну. Спрыгнул на песок, даже не подумав приказать верблюду опуститься. И переваливаясь, пошёл к гребню ближайшей дюны. Поднялся на самый верх и пропал из виду.

В тени бархана сидел на корточках старик. Замотанный в рваное тряпье, какое только бросить собаке на подстилку. Невообразимо худой и костистый. С перламутром в раско-
сых глазах без зрачков. Не-живых глазах.

Масхул, пересекавший пустыню сотню раз, встречался с подобным лишь дважды. Трижды, поправил себя Золотой палец, остановился за семь шагов, и опустился на колени.

– Приветствую тебя, о патриарх пустыни, восседающий среди благословенных песков! Да будут дни твои наполнены негой и удивительными новостями. Пусть небо благословит твои дни, дабы сердце твоё...

Горло караванщика запершило, и он закашлялся. Все усилия в славословии пошли прахом.

– Да будут дни твои...

И снова хриплый кашель оборвал слова. В глазах Масхула появился страх.

– Куда держишь путь, купец с плохим горлом?

Старик говорил странно, не разжимая губ. И голос его был похож на стук перекатывающихся камней.

– В Басар, о достопочтенный аннуакан. Призвали меня туда дела торговые, кои ведём с братьями моими. Многие товары...

Старик дёрнул бровью, и купец умолк. Кто будет перечить бессмертному аннуакану?

– Можешь заночевать в моём оазисе, купец. В благодарность за это, подаришь один из камней, что прячешь от чужих глаз. Двадцатый по счёту.

Вне себя от радости, Масхул поклонился, ткнувшись лбом в песок.

– И ещё.

Аннуакан шевельнулся, впервые за встречу. От его движений становилось не по себе, будто у старика был десяток лишних суставов.

– Мне скучно, купец. Пришли одного из своих людей для беседы со мной. Пусть возьмёт твой подарок и пройдёт между двух валунов у озера.

Сильный порыв ветра раздул одежды страшного хозяина песков. Мгновение и старик бесследно исчез.

Масхул поклонился тому месту, где сидел аннуакан. Вытер потные ладони о халат, поднялся и кинулся обратно к

верблюдам. На лице караванщика бродила счастливая улыбка. Аннуакан – Не-живой, странное существо, иногда поселяющееся в оазисах. Кочевники почитают таких существ злыми духами и зовут чудовищами-дэвами. Встреча с которыми, сулит либо смерть, либо безмерную удачу. Сегодня Золотому Пальцу повезло.

* * *

Оазис ждал их за следующей дюной. За несколько минут караван из аккуратного пунктира превратился в кричащую суемящуюся толпу. Поили верблюдов, ставили шатры, разжигали огонь и вытаскивали из багажа закопчённый до черноты казан. Ор, шум, рёв, мелькающие полосатые халаты.

Когда стоянку разбили, животные были напоены и накормлены, а караванщики расселись вокруг исходящего паром котла, Масхул уединился в своём шатре. Хитрый Золотой Палец всегда имел при себе три кошелька. Первый, на поясе, для меди и мелкого серебра, на мелкие расходы и на случай если на базаре его попробует ограбить ловкий воришка. Второй, за пазухой, с золотыми дирхемами для крупных покупок. Этот же кошелёк, не дай Пятирукий Чу, планировалось отдать разбойникам, если нападут на караван. Третий же, хитро спрятанный мешочек, хранил самое дорогое: самоцветы Слезы Пустыни, добытые в глубоких пещерах под таинственной крепостью Далакхай-ра. Никогда не тускнею-

щие, всех семнадцати цветов радуги. Драгоценные, стоящие баснословных денег, желанные и манящие.

Не глядя, он доставал их по одному и считал шёпотом, боясь сбиться.

– ...Восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

Камень для подарка аннуакану оказался голубым оглем безупречной чистоты. Цвет неба, воды и Подательницы, Восьмой из Семнадцати. Купец сотворил знак богини, как бы прося прощения и спрятал оставшиеся камни. Высокую цену запросил не-живой: весь караван, вместе с самим Масхулом, не стоил этого самоцвета. Но и наградил аннуакан по-царски – оставил в живых, что само по себе немало. А кроме того, купец знал точно, целый год ему будет сопутствовать удача. Хочешь – торгуй, хочешь – играй в кости, желаешь странного – просись в ученики к колдунам-шуофканам, или посватайся к принцессе из царского рода. Нигде тебе не будет отказа. Знал это Золотой Палец, и уже чувствовал, что поменяет прозвище на Золотую Длань.

Масхул заботливо положил камешек-огль в деревянную шкатулку. И тут же задумался: кого послать к «старика» с подарком? Ясное дело, человек отданный бессмертному дэву для развлечения – нежилец. Даже останков его не найдут, был уверен караванщик. Нужно выбрать самого бесполезного...

Перебирая в уме людей Золотой Палец морщился. Может, послать Касыма? Слишком уж глуп любимый племянник. С

другой стороны – родная кровь. Одного из слуг? Кого-то из рабов? И тут Масхул хлопнул себя по колену. Мальчика! Отдать нового раба, и дело с концом. Пусть развлекает чудовище умением считать.

– Касым! – купец вышел из шатра и подозвал племянника.

– Да, дядя?

– Приведи Миназа.

– Кого? – рожа Касыма стала глупо-недоуменной.

– Мальчишку. Быстро!

Пока племянник разыскивал раба, купец искал глазами валуны. Ага, вот они! Точно у озерца, стоят как часовые.

– Вот он, дядя. Выпороть его?

Миназ съёжился – рука у Касыма была тяжёлая.

– Можешь отдыхать.

Масхул отпустил племянника и пристально посмотрел на Миназа. Щуплый, на лице страх, голубые глаза, похожие на самоцвет-огль. Наверное, это знак, – подумал купец, – может и не станет аннуакан убивать раба.

– Иди за мной.

Размашистым шагом Масхул обошёл озерцо. Мальчик семенил, едва поспевая за купцом. Он не понимал, что вдруг понадобилось хозяину?

– Посмотри. Видишь эти два камня?

– Да, господин.

Таких валунов не встретишь в пустыне. Гладкие, обточенные водой бока, нездешний, чёрный с белыми искрами, цвет.

И воздух между ними дрожит как от жары. В серых вечерних тенях, кажется, что это дверь ведущая в загробный мир.

– Возьми шкатулку. Не открывай!

Мальчик вздрогнул от окрика. Он не собирался даже заглядывать внутрь – от любопытства его отучили в первые же недели.

– Сейчас ты пройдёшь между камней. Там будет ждать хозяин этого оазиса. Такой старик, ты его сразу узнаешь. Отдашь ему, ответишь на все вопросы, и вернёшься назад. Понял?

Испуганный странным поручением, Миназ кивнул.

– Хорошо. Иди!

Прижимая к груди шкатулку, мальчик пошёл к валунам. И замер, не дойдя шага.

– Быстро!

Раб обернулся, увидел перекошенное лицо Масхула, сделал шаг. И пропал.

* * *

Миназ огляделся: вокруг был совершенно другой оазис. Идеально прямоугольный, с ровными рядами пальм и кустов. Будто его специально вымеряли по линейке. Посередине создатель геометрического рая расположил квадратный бассейн, сложенный из белого мрамора. В центре водной глади, небу грозил каменный столп. Шероховатая поверхность

была причудливо изрезана тонкими линиями. Мальчику показалось, что они складываются в голову быка с льющейся изо рта водой.

«Вишاپ!» Он помнил, так их называл отец. Камни, стоящие в воде. Вместителища для духов. Коготь, которым цепляются за твердь небесный дракон.

Колени сами собой подломились. Миназ рухнул на землю и принялся вертеться, рисуя пальцем защитный круг.

– Думаешь, поможет?

Рядом объявился старик. Ветер колыхал на нём рваные тряпки, в прорехах которых мелькала жёлтая, как затхлый жир, кожа.

– Чего молчишь? Немой? Или боишься?

Нога старика в рваной сандалиии стёрла начерченную линию.

– Не так надо рисовать. Возьми серп из бронзы, или кремневый нож. Смочи кровью белой овцы. Делай линию на глубину в три пальца. Вот так.

Старик выпрямил пальцы, с силой вогнал их сухую землю. И медленно провёл линию взамен стёртой.

– Понял?

Не дожидаясь ответа, аннуакан отряхнул руки, взял мальчика за подбородок и заглянул в глаза.

Над стариком наливалось вечерней синевой небо пустыни. Небо, которое видело далёкую юность аннуакана, когда подобный ртути не-живой сражался в битвах молодых богов.

Ради наград, коим нет теперь названий. И небо надеялось пережить своего ровесника. Вероятно, надеялось напрасно.

А снизу на аннуакана смотрели глаза, полные тёплой водной синью. В которых плескался страх и надежда на избавление. От ужасного старика, от ненавистного рабства, от горькой доли сироты. Какую синеву выберешь ты, аннуакан?

– Идём.

Хозяин оазиса рывком поднял и поставил Миназа на ноги.

– Нас ждёт ужин.

Старик ощерился, показывая острые нечеловеческие зубы.

Глава 6 – Предатель

Вазид пришёл на Большой базар едва рассвело. За пару медяков нанял мальчишку – носить за собой корзину с покупками. Изобразил на лице брюзгливое выражение и неспешно двинулся по рядам. Торговцы, едва разложившие на прилавках своё добро, изо всех сил зазывали важного господина. Кланялись, тянули за рукав, наперебой расхваливали товар и покупателя. Всего за час юноша купил свежей баранины, зелени, лепёшек и немного сладостей для чая.

Мальчишка-носильщик пыхтя тащил покупки, а продавцы цокали языками: экий уважаемый господин! Брови сурово хмурит, торгуется за каждую монетку, – сразу видно, помощник большого чиновника или управляющий у вельможи. Молодой, а такой солидный. Не знаете, он холостой? Нет, что вы, у меня только сыновья, а вот у Рустема целых три дочери. Надо сказать, чтобы в следующий раз позвал к себе в лавку и там, как бы случайно... Посмеиваясь, Вазид шагал к выходу. Приходя в базарные ряды, он каждый раз устраивал маленькое представление. Правильное выражение лица, взгляд свысока, чуть-чуть волшебства и торговаться становилось намного легче.

Выйдя с базара, Вазид отпустил мальчишку. Подхватил корзину и пошёл в сторону башни Укк. Возле лавки одноглазого менялы свернул направо, и через сотню шагов оказался

в Старом городе.

Здесь, в лабиринте кривых улочек, легко было заблудиться без провожатого. Но ученик шуофкана давно выучил маршрут. Всего полчаса блужданий, и юноша оказался в Глиняном переулке. На ходу поклонился старику, сидящему под чинарой, и нырнул в безымянный тупик. Здесь была только одна дверь – древняя, из красного дерева, с грубой резьбой, изображающей голову льва.

Стучать Вазид не стал. Взялся за медную ручку, потянул на себя и юркнул в темноту. Дверь закрылась сама, подталкивая в спину. Невидимые иголки кольнули юношу в мочки ушей: колдовство, охраняющее вход в дом, решало: впускать гостя или убить на месте. Через мгновение стал чесаться нос – его узнали и разрешили войти. Облегчённо вздохнув, ученик шуофкана миновал длинный коридорчик и оказался во внутреннем дворике.

Хозяин дома, Хан-Го, даже не обернулся на звук шагов. Голый по пояс, шуофкан разводил огонь в маленьком очаге, и только кивнул, когда ученик поставил рядом корзину с продуктами. Привыкший к манерам учителя, юноша отошёл в сторонку и присел на низенькую табуреточку.

Всякий раз, бывая в жилище шуофкана, Вазид испытывал трепет. Дом был стар, и, вероятно, застал возвышение династии сердаров. Войны, эпидемии, страшные засухи – всё прошло мимо, не оставив и следа. За глухими стенами без окон на улицу пряталось единственное место столицы, где

ничего не менялось долгие годы. Внутренний дворик, вымощенный гладкими камнями, очаг, всегда зелёное маленькое деревце в кадке. И ровно семнадцать, да не прогневаются боги, комнат. В самой крохотной – аскетичная спальня. А в остальных, вольготно расположилась библиотека, самая таинственная во всём Гаазире. Собрание редких фолиантов, каких не встретишь нигде больше. Рукописи на коже, иногда человеческой, глиняные таблички с выдавленными письменами, трубочки свитков и толстые книги.

Кто из обитателей великого города мог догадаться, что Хан-Го, обладающий бесценным богатством, ютится в комнатке не больше трёх шагов? Кто посчитал бы постель из голых досок и куцега одеяла, достойной для советника сердара? И может ли кто вообразить, могущественного волшебника самолично варящего обед? Но мир не таков, как представляет обыватель. А стены древнего дома крепко хранят и маленькие секреты шуофкана и страшные тайны манускриптов.

Тихо сидя в уголке, Вазид наблюдал за учителем. Хан-го водрузил на огонь казан и теперь лил туда масло, сыпал специи, бросал кусочки мяса. Мокрый от пота, шуофкан колдовал с едой, так же серьёзно, как творил волшебство для сердара. Худые жилистые руки мелькали над котлом, а лицо застыло в напряжённой задумчивости.

«Три дня назад, вернувшись домой после разговора с Бал-

хом, шуофкан кинулся в библиотеку. Долго водил рукой вдоль полок, беззвучно шевеля губами. Пока не обнаружил пухлую тетрадь, с жёлтыми листьями из дорогой чуньской бумаги. Держа её обеими руками, Хан-Го вышел во внутренний дворик. Присел на толстый чурбак и задумался. Открывать потрёпанную обложку было страшновато.

Много лет назад, завершив обучение, шуофкан съехал из дома учителя. Среди множества книг, перевезённых в новое жилище, оказалась и эта тетрадь. Хан-Го, обнаруживший, что случайно захватил лишнее, хотел вернуть чужое. Но сначала забыл, потом с бывшим наставником вышла ссора, а там и вовсе стало не до старой тетради. Лет через пять, он снова наткнулся на неё. Повертел в руках, вспоминая, что же это такое, открыл и обнаружил дневник, написанный Балхом во времена ученичества у Бэхрама Чёрного. Шуофкан хмыкнул и не стал читать – зачем ему чужие секреты, протухшие лет пятьдесят назад? Сейчас же, Хан-Го с первой страницы впился в текст, написанный убористым почерком с твёрдо выведенными завитками букв.»

Волшебник передёрнул плечами и высыпал в казан большую миску бургуля. На секунду задумался и сдобрил хорошей щепоткой перца. Не оборачиваясь, бросил ученику:

– Готовь стол, будем обедать.

Помешал варево лопаточкой на длинной ручке. Зачерпнул немного, подул, сгоняя пар, попробовал кончиком языка

и довольно хмыкнул. Не опасаясь обжечься, пальцами взял казан за ушки и понёс к столу.

«Первые слова о заговоре шуофканов встретились уже на третьей странице. Бунт против богов, ветхого мироустройства и дурных правителей. Как жаль, что он не прочитал дневник раньше! Замазаны оказались все шуофканы. От старых патриархов, до горячей молодёжи, только-только получивший звание волшебников. Даже некоторые придворные, и сейчас стоящие у трона, были причастны к заговору. Камбиса Первого, деда нынешнего сердара, планировалось свергнуть. Освободить рабов, разрешить дехканам менять землевладельца, снизить непомерные налоги – шуофканы жаждали братства и справедливости. Но всё это, должно было случиться после главного действия: свержения тирании Семнадцати.

Они придумали множество хитростей, опасной волшбы и секретных рецептов. Но так и не смогли даже приблизиться по силе к богам. Против Семнадцати нужен был волшебник равный им. Бессмертный герой. Новый бог, могущественный, как и они. Решения не находилось, заговор разваливался.

Ответ предложил сам Балх. Младший ученик пришёл к Бэхрему Чёрному и задал вопрос: где боги черпают силу? И сам же сказал: в жертвоприношениях. В человеческих жертвах. Когда кремневый нож вспарывает плоть, они выпивают

душу, как глоток родниковой воды.

– И что? – спросил Бэхрем, – Человек так не может. Нет у барана зубов, чтобы рвать добычу как волк.

– А если кусок мяса положить барану в рот? – спросил молодой шуофкан, – Если жертва добровольно отдаёт душу? Может тогда?

Страницы с кровавыми подробностями были безжалостно вырваны.

Через семь дней, обожествлённый Бэхрем швырнул богам вызов. И только объединённая мощь Семнадцати смогла одолеть бунтаря. А после, их гнев прокатился по державе, карая заговорщиков. Балх наказания избежал, несколько месяцев принося покаяние в храме Пятого.»

Зачерпывая пальцами маленькие горсточки бургуля, Хан-Го с брезгливостью наблюдал за учеником. Тот жадно закидывал кушанье в рот, торопливо проглатывая. Толстый и глуповатый, взятый в обучение по просьбе знакомых. Не помощник в делах, вечная обуза, пожирающая время и силы. Укор собственному преподавательскому таланту.

К тому же Хан-Го донесли: Вазид шпионит за учителем. В среде шуофканов интриги были в порядке вещей, и развязать язык нерадивому ученику о делах наставника считалось не слишком позорным. Но когда доклады недругу становятся регулярными, и вдобавок хорошо наполняют карман – это переходит любые рамки. Негодника будет ждать суровое на-

казание. Но позже, позже...

«Вчера он снова был во дворце. Правитель выглядел хуже, чем в прошлый раз: щёки запали, кожа натянулась на костях будто у мертвеца, в глазах пылало пламя пожирающая дни сердца.

– Что, выгляжу как покойник?

От густого баса остался только куцый шёпот.

– Нет, Кам. Ещё хуже.

– Ты нашёл?

Хан-Го помолчал, теребя в руках фигурку верблюда из слоновой кости. Кам любил такие игрушки в детстве, и старая кормилица, чтобы порадовать беднягу, поставила их на столик рядом с постелью. Маленькая армия: слоны, обезьянки, жираф, гиппогриф. Они не могли помочь своему хозяину и с надеждой смотрели на шуофкана.

– Нашёл, – Хан-Го потупился.

– Так делай!

– Кровь, Кам. Будет много крови, боли, страдания. Бог, любой бог, это не добрый дядюшка приехавший в гости. Он утверждает свою власть, растаптывая неудобных. Он жестокий господин – жнёт, где не сеял, и собирает, где не рассыпал. Приход бога, это время когда разбрасывают камни.

– Какое мне дело? При чём здесь камни?

– Они будут падать на нашу голову, Кам.

– Моя и так ляжет в усыпальнице, рядом с отцом, если

ты ничего не сделаешь. А кровь – не вода в пустыне. Пусть льётся.

– Всё старое жречество, храмовые рабы, крестьяне с полей при святилищах, – шуофкан принялся перечислять, загибая пальцы, – твои вельможи, кто регулярно стоит у семнадцати алтарей, зодчие, строившие...

– Хочешь их пожалеть? Ответь, что будет с ними, если падёт вся держава? А с остальными? Я выбираю пожертвовать рукой, чтобы сохранить тело.

Хан-Го встал.

– Ты выбрал?

– Да. Говорю тебе: иди, сделай нам нового бога, шуофкан. Это моё последнее слово.

Волшебник поклонился и, больше не произнеся ни звука, вышел. До следующего утра, пока не явился Вазид, Хан-Го молчал.»

Поев, шуофкан вытер губы шёлковым платком и строго взглянул на ученика.

– До завтрашнего вечера ты свободен. После заката возвращайся, сможешь исполнить один из старых ритуалов. Знаю, что праздник, но это срочно. Сердар требует провести его немедленно – молодой наследник должен зачать сына.

Хан-Го подкинул предателю фальшивую новость и про себя усмехнулся.

– Если всё пройдёт хорошо, после можешь поехать на пару

недель к родне отдохнуть.

Небрежным жестом наставник отпустил Вазида. Ученик поклонился, с восторгом и обожанием глядя на учителя. Попятился, и быстрее ветра исчез, только хлопнула дверь. «Лицемер», – с раздражением мелькнула у Хан-Го мысль и тут же сгнула, уступая раздумьям о предстоящих делах.

Глава 7 – Искуситель

Весь день Фатх просидел на палубе: под палящим зноем, на самом солнцепёке. Но даже лоб жреца оставался прохладным. Жар словно впитывался в него, проваливался в бездонный колодец. Туда, где на самом дне прятался дар Огль. Лишённый божества, он поглощал свет как нищий, дорвавшийся до роскошного обеда.

Жрец улыбался. После долгих лет немочи он чувствовал себя молодым. По странной прихоти, дар наполнял его силой и бодростью. Аванс за будущую работу? Случайность? Помощь в долгой дороге? Ответ был не нужен. Главное – сейчас ему хорошо.

– Разделишь с нами трапезу, брат?

Рыжий капитан подошёл к Фатху и присел рядом на корточки.

– Нет, благодарю, – жрец улыбнулся: искренне, доброжелательно, – Не сейчас.

– Держишь пост?

Фатх пожал плечами: можно и так сказать. Дар, наевшись за день света, подпитал и своего носителя. Лишь крошки с божественного стола, но и этого слабому человеку было довольно.

– Ты ведь служитель Огль, верно? – рыжий, прищурившись, смотрел на жреца.

– Да.

Капитан замялся, подбирая слова. Неопределённо махнул рукой и нахмурился.

– Она мертва? Скажи честно.

Ответил Фатх не сразу. Заглянул в глаза рыжему и смотрел, пока тот не отвёл взгляд.

– Да, Восьмая из Семнадцати покинула мир.

– А другие? Сколько Их осталось?

Жрец пожал плечами.

– Сложно ответить. Все знаки врут, а различить их в небе человеку не под силу.

– Жаль, – капитан вздохнул, – Она была доброй.

Мужчины замолчали, каждый думая о своём.

– Братство распадётся? – спросил Фатх.

– Почему? – рыжие брови удивлённо поднялись.

– Огль больше нет, а вы заключали с ней...

Капитан рассмеялся. Тихо и грустно.

– Братство Подающих существовало задолго до богини.

Когда Восьмая пришла в мир, именно мы протянули руку: наши клятвы были сходны с её заветами. Не Она обещала награду, а Братство предложило помогать Ей и слугам Её.

Чувство досады кольнуло Фатха – в священных книгах эта история выглядела по-другому.

– Мы продолжим своё дело. Боги приходят и уходят, а ноша Братства неизменна. В память о Восьмой мы сохраним Её знак – ради былой дружбы.

– Благодарю.

Положив ладони на палубу, жрец низко поклонился.

– Не за что, дружище.

Хлопнув Фатха по плечу, капитан встал.

– Когда захочешь есть, подойди к Рыбе. Такой низенький, с выпученными глазами. Я скажу, чтобы оставил тебе.

– Хорошо.

Рыжий ушёл, и Фатх продолжил смотреть на плывущие мимо дюны.

Шар солнца покраснел и рухнул за далёкий горизонт. Сумерки налились лиловым пурпуром. А когда зажглась первая звезда, жрец услышал цокот когтей.

В двух шагах от Фатха сидело маленькое чудовище. Тело пустынной кошки, крылья с пепельными перьями, капризное детское личико с оттопыренной нижней губой.

– Сидишь, – тонким голоском пропело создание, – смотришь.

– Сижу, смотрю, – согласился жрец, – чем ты недоволен?

Чудовище фыркнуло, показав острые клыки. Много лет назад, когда Фатх первый раз отслужил у жертвенника, Огль наградила его странным подарком. Личным демоном-хранителем по имени Шеду. Едкий, капризный, то приходящий каждую ночь, то исчезающий на месяцы. То ли защитник, то ли искуситель.

– И чего ты попёрся в такую даль, старикашка?

– Ты же знаешь, – Фатх улыбнулся старому другу, – мне поручено важное дело.

– Все крылья сбил, пока догнал. Не мог поехать с караваном?

– Я должен торопиться.

Шеду прыгнул с места, прямо к Фатху. Поднялся на задние лапы и заглянул человеку в глаза.

– Ты чувствуешь Благодать внутри? Ощущаешь великую Силу? Она делает тебя моложе?

– Отойди.

– Не отдавай, – голос Шеду стал вкрадчивым, – оставь себе Благодать.

– Я дал обещание.

– Ой какой честный! Что ты обещал? Отдать чистой душе? А твоя, грязная? Отдай сам себе!

– Так нельзя, Шеду.

– А как можно? Хоть раз подумай о себе. Ты всю жизнь плясал, стоял ночами перед алтарём. А какая благодарность? Взял сокровище и тащит. И как ты решишь кому отдать? Кто чистый? Кто достойный?

Шеду прошёлся взад-вперёд по палубе. Длинный хвост бил по пушистым бокам как плеть.

– Кому ты отдашь? Проходимцу? Как ты выберешь чистую душу?

– Мне будет знак.

Демон с сочувствием посмотрел на старика.

– Ты больной? Какие знаки? Огль мертва, ты не понимаешь? Найдёшь блаженного дурачка, отдашь Силу и сразу по-мрёшь.

– Не...

– Умрёшь, точно говорю. Ты сейчас почему такой бодрый бегаешь? Тебя Сила держит. А отдашь и сразу всё кончится.

– Я обе...

– Ещё раз: ты сам чистая душа. Отдай себе, и дело с концом. Понятно объясняю?

– А дальше?

– Как что? Станешь чуть-чуть богом. Я отведу тебя к Лестнице, ты поднимешься на седьмую ступень и наведёшь в мире порядок.

– Уйди.

– Фу на тебя.

Шеду отвернулся и несколько минут молчал.

– Глупый. Такой шанс выпадает смертному раз в тысячелетие. Сейчас будешь бегать со своим обещанием, а потом место займут другие. И опять по новому кругу.

– А тебе какое дело? Чего вдруг демон людей жалеет?

– У меня свой интерес. Я-то всё равно при тебе останусь.

Шеду расхохотался.

– Представляешь, какая хохма получится? Любимый демон бога!

Отсмеявшись, Шеду сурово посмотрел на жреца.

– Пойду пока. Ты подумай, я не буду торопить. Решение

непростое, для обычного человека. Но имей в виду: демоны заключают пари, когда новые боги полезут изо всех щелей. Как думаешь, позволят они жить обычному человеку с Благодаратью? Огль была идеалисткой, ничего из её плана не выйдет.

Развернув крылья, Шеду выпрыгнул за борт и растворился в тенях среди барханов.

* * *

К полудню следующего дня корабль пересёк невидимую линию. Пески из жёлтых стали красными, дюны сгладились и пустыня выровнялась как стол.

– Глубокий песок, – рыжий капитан встал недалеко от Фатх и прищурившись вглядывался в даль.

– Что?

– Опасное место, жрец.

– Песчаные черви?

– Ха! Если бы они, если бы. Не будем звать лихо, расскажу когда окажемся на другой стороне.

Капитан замер, с тревогой всматриваясь в бескрайние пески. А Фатх, пожав плечами, продолжил смотреть в пустоту – вчерашний разговор с Шеду заронил в нём сомнения.

– Справа по борту шахлуд! – корабельщик, сидевший в вороньем гнезде на макушке мачты, заорал что есть мочи.

– Смотри, вот твой червь, жрец.

На расстоянии фарсанга, песок рассекала длинная лента. Красная, с лоснящимися сегментами. Червь-шахлуд то скользил сверху, то нырял в глубину.

– Плохо.

– Он может напасть?

– У него глотка не больше собачьей. И зубы – вот такие, с ноготь. Нет, шахлуд тварь безвредная.

– А что тогда плохого?

– Его выгнали из глубины хищники.

Спросить, какие именно, Фатх не успел. Песок рядом с червём взорвался, выпуская странных существ. Заострённые тела, длинные щупальца, тёмные воронки жадных ртов.

– Крахеши!

Корабельщик на мачте заорал полным ужаса голосом.

– Крахеши!

По палубе заметались люди.

– Лево руля, – капитан бросился к корме, – Лево руля, быстро!

Жрец, не обращая внимание на суету, вглядывался в страшных тварей. Всего несколько минут им потребовалось, чтобы догнать шахлуда и устроить кровавое пиршество. Щупальца рвали красную плоть червя, мелькая как плети. Раз, и на песке остались только рваные клочья.

– Привяжись!

К жрецу подбежал корабельщик по имени Рыба и сунул в руки верёвку.

– Что?

– Привяжись. Одним концом за пояс, другим за скобу. По-нял? Быстро!

Спорить Фатх не стал. Сделал что сказано и повернулся ещё раз взглянуть на удаляющихся крахешы. Кто сказал удаляющихся? Твари закончили обед и собирались поужинать: вкусным кораблём и аппетитной командой.

Они догоняли. Как стая волков заходили с двух сторон, отрезая пути к бегству.

– Право руля! Разворачивайте второй парус, крысы! Или станете добычей крахешей.

Голос капитана разлетелся над кораблём. А в ответ ему затрубили песчаные твари: рёв охотников перед атакой.

– Поворачивай!

Фатх во все глаза смотрел на крахешей. Кажется, Шеду был прав. Сейчас корабль догонят и больше не будет ни жреца, ни Благодати, ни знаков. Интересно, можно ли считать чистой душой хищного крахеша? С одной стороны, тварь убивает живых существ, с другой, никаких человеческих грехов она не совершает. Со щупальцами, знаете ли, воровать, обманывать и желать чужую жену не очень-то и получится. Может, проглотив Фатха, какой-нибудь крахеша станет богом других обитателей песка? Какие жертвы он потребует?

Из неуместных размышлений Фатха вывел тяжёлый удар. Один из хищников толкнул корабль, заставив людей пока-

титься по палубе. Жрец чуть не улетел за борт, и лишь верёвка, повязанная вокруг пояса, удержала от падения.

– А-а-а!

Одному корабельщику не повезло. Чернобородый матрос выпал на песок, и теперь волочился за кораблём, пытаясь залезть по канату обратно.

Фатх дёрнулся, хотел помочь несчастному, вытянуть. Но тут мелькнули тёмные щупальца и осталась только свободно болтающаяся верёвка.

– Право руля! Держитесь!

Снова удар. Жрец упал на палубу, проехал на животе и стукнулся о мачту головой. На мгновение сознание помутилось. А когда он пришёл в себя, раздался оглушающий треск.

Фатх прижался к палубе, моля о быстрой смерти. Но великий Жнец медлил, не спеша опускать золотой серп.

– Вставай.

Кто-то легонько пнул его в бок носком сапога.

– Поднимайся, жрец. Восьмая хранит тебя.

Опираясь на руки, Фатх сел. Корабль стоял неподвижно, чуть накренившись на левый борт. Поборов тошноту, жрец встал.

Капитан спас их. Направил судно к скальным останцам и с разгону выбросил корабль на каменную насыпь. Обитатели песка не решились выйти на «сушу», и теперь оглашали воздух печальными криками.

Кто-то стонал, и Фатх, взяв себя в руки, пошёл к страж-

дущему. Не нашлось члена команды, кто бы не пострадал в кораблекрушении. У одного была сломана нога, у другого рука, кто-то отделался ушибами и царапинами. Жрец переходил от матроса к матросу и помогал в меру сил. Огль не наделила Фатха талантами целителя, но вправить вывих или наложить лубок он умел.

– Корабль разбился? – Фатх подошёл к капитану.

– Ерунда, починим. Но мы не сможем двигаться дальше, пока здесь крахеши.

Рыжий указал рукой: крахеши были неподалёку. Зарылись в песок, выставив на поверхность длинные усы, раскачивающиеся на ветру.

– Караулят. Они долго могут ждать. Мой брат месяц сидел на такой же отмели, только самум помог убежать от тварей.

Корабельщики принялись обустроить вынужденную стоянку. Растянули навесы рядом с кораблём, разожгли костёр и сварили густую похлёбку. Кто-то, кажется Рыба, достал длинный музыкальный инструмент с тремя струнами и начал наигрывать тягучую мелодию.

Отказавшись от приглашения, Фатх остался на палубе в одиночестве. Сел возле мачты, и принялся смотреть на заходящее солнце.

– Сидишь, – голосок Шеду пискнул над ухом, – опять в гляделки играешь.

Жрец не ответил, только раздражённо поморщился.

– Долго будешь сидеть?

– Пока не уйдут твои родственники.

– Эти, которые в песке? Точно, братаны троюродные. Хочешь, чтобы я попросил их уползти?

– А ты можешь?

– Неа. Они тупые, слов не понимают, только жрать и умеют. А сам чего не прогонишь?

– Издеваешься?

– Глупый, глупый старикашка! Что у тебя внутри? Благодарь! Мощь, которая может повергать царства и возносить горы. А ты жалуешься на жалких животных.

– Я... Я не умею, Шеду.

– И это говорит человек, стоявший у алтаря? Ты же видел чудеса Огль! Возьми и попробуй. Только начни, а остальное дар сделает сам.

Шеду слез с мачты и с сомнением посмотрел на жреца.

– Малахольный ты. И зачем тебя выбрали?

Недовольно дёрнув хвостом, демон исчез. Оставив после себя запах жжёных тряпок и почему-то ромашек.

Ещё долго Фатх сидел и мучительно боролся сам с собой. Использовать Благодарь? Он обещал просто хранить! Но чтобы передать кому-то, надо вырваться из ловушки. Да? Нет? Проклятый Шеду!

Солнце почти коснулось песков, когда жрец устал сомневаться. С мольбой протянул руки к заходящему светилу. По привычке сделал движение, будто зачерпывает воду. И рот Фатха распахнулся в беззвучном крике.

Мир превратился в детский рисунок. Перспектива нарушилась, делая невозможное реальностью. Вот огромные руки жреца, как из чаши набирают сияющий огонь прямо из солнца, маленького и близкого. Горят от нестерпимого жара пальцы, трещит кожа, опалённая огнём. Ладони раскрываются, и пламя льётся в песок, на полпути от корабля к горизонту. Барашки дюн вспыхивают, гаснут и мерцают как угли под пеплом...

Тихо воя от боли, Фатх катался по палубе. Обожжённые невозможным огнём ладони пылали, до краёв полные страданием. Но хуже этого, жреца мучил стыд за использование Благодати. Чужая Сила пришлась по вкусу и по плечу. В груди Фатха леденел страх нарушить обещание, данное Восьмой.

Глава 8 – Дэв

– Иди сюда!

Только что старик был рядом, а через мгновение – выкрикнул призыв с другого края бассейна. От удивления Ми-наз позабыл про страх и кинулся бегом к хозяину оазиса.

– Я всегда сначала кормлю гостей, с чем бы они ни пришли. Садись, Пустой.

Рука аннуакана указала на большой плоский валун. Мальчик послушно сел на самый край. Прогретый на солнце камень был тёплым, как шкура огромного животного.

Старик вытащил из рукава драного халата платок. Крохотный, величиной с ладонь. Положил на каменном столе, развернул раз, другой, третий. Кусочек ткани рос, превращаясь в скатерть.

– Добро пожаловать за мой дастархан, многоуважаемый Пустой гость, – в голосе аннуакана послышалась насмешка, – Да будет он полон, как звёздное небо.

Старик вытянул руку и провёл над камнем, напевая незнакомые мальчику слова. «Волшебство!», – хотелось ему закричать, когда из воздуха появились многочисленные глиняные блюда с яствами: лепёшки, горячие, только из печи-тандыра; гора плова с большими кусками мяса; треугольные пирожки-самбуса; исходящие паром манты из тонкого полупрозрачного теста; кислый катык с рубленой зеленью в пиа-

лах; множество незнакомых фруктов, самых разных цветов. У мальчика разбежались глаза от такого изобилия, а в животе заурчало.

Подмигнув Миназу, аннуакан достал из воздуха две пустые глиняные чашки. Зачерпнул ими воду прямо из бассейна, и пристроил посреди тарелок. Старик уселся напротив мальчика, выставив из-под халата голые мосластые колени.

– Приятного аппетита, маленький Пустой. Мотыльки должны хорошо кушать, чтобы не умереть.

Миназа не пришлось упрашивать. Он схватил пирожок, откусил, потянулся за мантой... И тут же положил всё обратно.

Устыдившись, мальчик сел прямо. Забормотал слова благодарности Семнадцати, хозяину дома и всем духам-хранителям. Провёл ладонями по лицу и поклонился. Аннуакан наблюдал за ритуалом с лёгкой усмешкой.

– Благодарю за гостеприимство. Да будет чаша этого дома всегда полна и в сердце пребудет радость.

– У меня нет сердца, так что радость я ношу в кармане, – старик хихикнул, – Как тебя зовут, Пустой?

– Миназ бну-Банар из рода... – мальчик запнулся, опустил голову и продолжил бесцветным монотонным голосом, – я Миназ, раб купца Масхула по прозвищу Золотой Палец.

– Можешь называть меня каджи Аждахак. Это мой вишап стоит посреди источника. Ешь уже – кормить гостя, до того как расспрашивать, придумали гораздо раньше, чем твои

предки сделали первое колесо.

Миназа не пришлось больше уговаривать. В караване никогда не кормили досыта, а у мальчика отобрали часть его доли взрослые рабы. Теперь же, он за раз пытался наверстать всё упущенное.

Аждахак же наоборот, не притронулся к пище. Только с любопытством наблюдал за гостем, да изредка отщипывал кусочек хлеба и бросал в воду, где стаи рыбёшек крутились в ожидании подачек.

В чашке Миназ с удивлением обнаружил вместо воды сладкое вино. Давно, в прошлой счастливой жизни, отец давал ему пробовать такое. И было в этой сладости столько боли и тоски по родителям и доме, что слёзы потекли из глаз. А предатель-рот продолжал жевать, и руки сами тянулись за добавкой. Обнаружив в себе такое разделение, мальчику стало стыдно и взрослая злость ударила наотмашь. Смуглое от загара лицо залилось краской.

Отложив недоеденную лепёшку, Миназ ещё раз смочил губы вином, выказывая дань уважения хозяину стола. И отставил чашу в сторону.

– Благодарю достопочтенного каджи Аждахака за угощение, и готов послужить в меру своих возможностей.

Старик гулко засмеялся, хлопая себя по коленям ладонями.

– Вы, люди, живые только пока маленькие. Бойтесь по-настоящему, и честно преодолеваете страх. А когда вырастае-

те, становитесь памятниками самим себе.

– Хозяин просил передать вам это.

Миназ вытащил из-за пазухи шкатулку и протянул старику. Пальцы Аждахака вцепились в добычу, обхватили, погладили. И смяли деревянные резные дощечки как тонкую бумагу. Пыль посыпалась на землю, а на морщинистой ладони остался голубой камень.

– Твой цвет, маленький Пустой.

Аждахак приблизил драгоценность к глазам. Рассмотрел со всех сторон, понюхал. И бросил самоцвет в рот. С хрустом разжевал и блаженно зажмурился.

– Настоящая капля неба из Далакхай-ра. Ты знал, что это странное место Великий Змей вытанцевал в Первые времена?

Мальчик помотал головой. Он слышал название в первый раз, а уж что кто-то когда плясал, тем более.

– Настоящий вкус, – старик вздохнул, – жаль редко попадается.

Взгляд тёмных глаз Аждахака обратился на Миназа.

– Я доволен, Пустой. Очень доволен. В благодарность, я разрешаю задать тебе три вопроса.

– А вы ответите честно?

– Я слишком стар, чтобы врать, малыш. Бесчисленные годы из моих дел и знаний складывалась башня моей судьбы и памяти. Если я буду лгать, то выбью из неё кирпичи, образующие стены, и однажды она рухнет, погребая меня под

развалинами, ввергая в безумие и забвение. Я видел таких лжецов, и не хочу повторить их путь: это страшное зрелище. Судьба жестоко мстит обращающимся с ней неуважительно. И ты задал первый вопрос, у тебя осталось два.

Мальчик нахмурился. Напряжённо морщил лоб, подыскивая нужные мысли. Чесал нос. Катал в задумчивости по камню маленькую сливу. Старик не прерывал его, искоса наблюдая за меняющимся выражением детского лица. Можно было подумать, что он получает удовольствие от крутящихся в голове маленького собеседника мыслей.

– Кто вы? Я не понимаю: Золотой Палец называл вас аннуаканом, вы зовёте себя каджи. Вы говорите «мой вишап» и едите камень. Вы бог или демон?

– Вкусный вопрос, – старик причмокнул губами, – и ответ тебе понравится. Сначала послушай притчу. Однажды, три слепых мудреца, решили узнать, как выглядит Бехемот. Один ощупал чудовище спереди, и сказал, что он похож на змею. Другому досталось ухо и он заявил, что Бехемот подобен вееру. Третий, схватил хвост и назвал монстра верёвкой. Мудрецы стали спорить, а затем подрались, выясняя кто прав. Но слепые так шумели, что разбудили Зверя. Он повернулся и сожрал их, оставив вопрос, на что похож Бехемот, не решённым. Ты понял?

– Простите уважаемый каджи, – Миназ потупился, – я не знаю, на что похоже это чудовище и не понял притчи.

– Люди, – Аждахак заворчал скрипучим голосом, – вы та-

кие глупые. Слишком мало живете, чтобы понять хоть что-то. Ладно, я скажу по-другому. Посмотри, что это?

– Рука.

– Какая?

– Правая.

– А это?

– Левая рука.

– А это?

– Голова. Нога. Туловище.

– Верно, ты называешь члены моего тела. Это правильные названия. Но ты забываешь, что они части меня.

Лицо старика стало злым и грозным.

– Вы, мотыльки, даёте названия частям не видя целого. Тысячу лет назад, я пришёл в эту пустыню и разостлал оазис, как ты стелешь одеяло для ночёвки. Вырастил камень-вишап, как караванщик разводит костёр на привале. Люди видят бессмертную часть меня и называют её «аннуаканом» – младшим богом. Находят тела, когда я убиваю неуважительных, и говорят, что это злой дух.

Аждахак встал в полный рост, и правда похожий сейчас на божество.

– Я Не-живой. Я дэв, равный по силе богам и демонам. Бессмертный и неизменный.

Над головой старика зажигались первые звёзды. Они могли подтвердить эти слова, но благоразумно молчали: не им, слишком юным, прерывать речь старшего.

– Но ты, можешь называть меня каджи Аждахак, – дэв сел обратно на камень, – этого будет достаточно.

– Да, уважаемый каджи.

Миназ потёр глаза: на мгновение ему показалось, что вместо старика небо подпирает огромная тёмная фигура с багровыми колёсами очей.

– Задавай свой последний вопрос, Пустой.

– Почему вы называете меня пустым? – в голосе мальчика звучала обида, – Это значит, что во мне нет ничего достойного?

Аждахак хрипло усмехнулся. В наступающих сумерках морщины на его лице показались Миназу трещинами на каменной глыбе.

– Не пустым, а Пустым. Чувствуешь разницу? Здесь нет достойного или низкого. Это свойство природы некоторых людей, о назначении которого Ваятель забыл рассказать своим творениям.

– Ваятель – это творец? Зодчий?

– Не перебивай, если хочешь услышать ответ на свой вопрос. Ваятель это Ваятель, а как называют его люди, мне без разницы.

– Простите меня каджи, я не буду вас перебивать.

– Ладно, проверим. Слушай теперь свой ответ. Каждый из детей Ваятеля, будь то смертный живой, или бог, или неживой как я, заполнен в некой своей части тайным волшебством. Тем, что двигает этот мир и ставит разум выше твар-

ного мира. Из него черпают боги свою силу. Им пользуются смертные колдуны, чтобы двигать горы и поднимать мёртвых. Это часть изначальной сущности Ваятеля. И есть она у всех. Кроме Пустых.

Мальчик сидел притихший, с трудом поспевая мыслью за стариком.

– Они встречаются редко, и только среди людей. Их легко отличить по голубым глазам или особому цвету тени. Волшебство для вас недоступно. Здесь, среди народов пустыни, где даже самый глупый кочевник может колдовством разжечь огонь или найти воду, вы считаетесь калеками. На севере вас ненавидят и сжигают на кострах. У них есть на то причина: там боги нашли способ вкладывать в Пустых свою сущность. И такие «воплощения бога», стали бичом тех народов. На востоке, волшебники любят брать Пустых учениками. Вливая в них собственную магию, они получают отличный инструмент для своих странных дел. Но истинный смысл вашего существования от меня скрыт.

Пожевав губами, старик добавил:

– И всё же, я думаю, что вы нужны для чего-то особенного. Ваятель не создавал существ без цели.

Голос Аждахака умолк. Дэв хмуро посмотрел на мальчика.

– Ты всё понял?

– Да, господин.

Горло старика забулькало. Так, что Миназ уже думал по-

стучать по спине подавившегося каджи. Но бульканье переросло в хриплый клёкот и злое рычание.

– Запомни, маленький человечек, я не господин. Ни тебе, ни кому-либо другому. Возможно себе, но и это очень спорно.

– Но ведь я раб, и...

– Ты не раб, глупое существо. Ты свободен: думаешь то, что хочешь; говоришь, что считаешь нужным.

Старик вскочил и принялся ходить кругами вокруг мальчика.

– То, что тебе пока отдаёт приказания жадный купец – ерунда. Судьба может поменять вас местами в одно мгновение. Да и его указания ты можешь исполнить, как захочешь.

Голос каджи стал резким, визжащим.

– В нашем мире, на самой заре его, было существо, называвшее себя Господином. Имя его ныне проклято и забыто. Вот оно могло обращать в настоящее рабство. Когда его слуги не могли даже умереть без разрешения. А ты – свободный. Быть может, свободнее меня.

Резко оборвав монолог, старик отвернулся и шагнул в пруд. Потрёпанные сандалии коснулись воды, со всхлипом разогнав от себя круги. Но хозяин оазиса и не думал купаться: сердито топая, он шёл по воде, распугивая рыбок. Семь шагов, взбаламутивших зеркальную гладь, и лоб старика упёрся в камень. Морщинистые руки обняли столб. В темноте ночи фигура дэва сливалась с вишапом и посреди

пруды стояла единая серая громада.

Тишина опустилась вокруг Миназа, пустая и безразличная. Ночная прохлада щекочущими пальцами забиралась под одежду. Не было слышно ни старика, ни людей, ни даже цикад. Миназу пришло в голову, что он остался совсем один, в пустыне, среди диких зверей и ночных демонов. Страх, рождаясь в животе, расползлся как стая пауков. Хотелось кричать и плакать. Звать хоть кого-нибудь живого.

Расталкивая темноту, как стражники толпу, явился свет. Мягкое серебристое зарево, разгорающееся всё сильнее. Миназ поднял голову и увидел: каменный столб-вишап сиял звёздным светом. А по воде, шёл обратно к берегу старик.

– Испугался, малыш? Ничего, это полезно. Надо было зазечь мой камень – нехорошо принимать гостей в темноте.

Отвечая на незаданный вопрос, Аждахак указал в сторону пустыни. Там, вдалеке, виднелись два тёмных силуэта приближающихся всадников, с бесформенным кулём, волочащимся между лошадьми.

Глава 9 – Хрустальный нож

Обет безбрачия волшебники-шуофканы никогда не давали. Но и семьями, за редкими исключениями, не обзаводились: магия ревнива и требует от своих адептов посвящать себя только ей. А вот временные связи с обычными людьми считались делом полезным и даже необходимым. Хорошо, знаете ли, влияет на здоровье и не даёт оторваться от реальности. Патриархальные нравы, суровые к прелюбодеям, смотрели на интрижки волшебников сквозь пальцы и делали исключения для их избранников.

Всегда занятый, Хан-Го полагал общение с женщинами зря потерянным временем. Даже в молодости, когда вечерами другие ученики бегали по девицам, суровый паренёк просиживал над книгами. Став полноправным шуофканом, Хан-Го с лёгким презрением относился к коллегам, заводящим любовниц. Посмеивался, что мол не умеют укротить плоть и теряют драгоценные минуты ради ерунды. До тех пор, пока не встретил её.

Чёрные кудри; жёлтые, как у кошки, глаза; высокие скулы – Хан-Го несколько дней ходил сам не свой, а потом начал выяснять, кто эта женщина. Вдова сотника городской стражи, зовут Лейла, живёт одна в переулке Хахаман, детей нет. Шуофкан, привыкший действовать, семнадцать дней посылал ей подарки, а затем явился сам. Она не стала отказывать-

ся.

Бурная страсть давно ушла из их отношений. Но расстаться с женщиной шуофкан уже не мог. Она умела слушать, а волшебнику порой нужно было выговориться. А ещё, поженски мудрая Лейла мягко подбрасывала советы там, где требовалась житейская хитрость, а не магия и яростный напор. Хан-Го не признался бы и сам себе, что дорожит её обществом больше, чем дружбой с сердаром. Тайно подмешивая ей эликсиры, продлевающие молодость, волшебник старался не думать, что может на многие годы пережить подругу.

В этот раз он пришёл к ней днём, в самую жару, нарушая давно сложившийся обычай вечерних визитов. Дверь открыла служанка: ойкнула, хихикнула и побежала звать госпожу. Хан-Го, мрачный как туча перед грозой, не дожидаясь Лейлы, пошёл в сад за домом. Отыскал в дальнем углу беседку и с облегчением спрятался в тени. Сбросил с плеч халат и лёг среди раскиданных в беспорядке подушек. Закрыв глаза и прогнал все мысли, терзающие уже который день.

– Я отпустила служанок и решила сама подать чай грозному шуофкану.

В беседку вошла Лейла, держа в руках поднос. Из одежды на ней были что-то невесомое. Складки прозрачной ткани, как хороший купец дразнили, нахваливали и намекали: стоит лишь протянуть руку, распахнуть, чтобы оценить во всей красе.

Женщина опустилась рядом с волшебником на колени. Поставила около себя поднос с чайником, пиалой и кусочками шербета на плоском блюде.

– Я заварила твой любимый, с жасмином.

Хан-Го потянулся, но вовсе не к чаю. Провёл ладонью по бедру, коснулся живота, поднялся к полной груди. Лейла еле слышно вздохнула. Хан-Го, как по волшебству, оказался близко-близко. Жадные губы прошлись по шее, оставляя после себя горячие следы поцелуев. Нетерпеливые руки срывали ткань, ставшую сейчас лишней. Женщине показалось, что волшебник был со всех сторон разом, превратившись в многорукого демона страсти. Соппротивление, наигранное и жеманное, стало бесполезно.

* * *

– О чём ты думаешь?

Утомлённая Лейла водила пальцами по груди шуофкана, рисуя только ей видимый узор.

– Так, о всякой ерунде.

– Я же вижу, Хан, тебя что-то гложет. Расскажи!

Волшебник улыбнулся и погладил женщину по плечу.

– Сердар хочет, чтобы я... Кое-что для него создал.

Лейла приподнялась на локте и заглянула в глаза мужчине.

– Не говори, что именно – мне не интересны такие тайны.

Ты не можешь этого сделать?

– Могу, наверное.

– А в чём сложность, Хан?

– Представь, что мне нужно создать, к примеру, тайную стражу. Я знаю, каких людей взять на службу, что поручить, какую положить им плату. Но я не...

Хан-Го скривился как от боли.

– Не знаю, кого поставить во главе. Кто будет управлять и сделает всё как надо. Нельзя взять случайного человека, или мздоимца, или дурака.

– Этот «тысячник», которого ты должен назначить, он получит большую власть?

– Очень. Даже слишком.

– Станет могущественнее, чем шуофканы?

– Ммм... – волшебник заворочался, – да, пожалуй, да.

– Ну так стань сам!

– Что?

– Зачем отказываться, когда халва идёт в рот? Разве ты сам не сделаешь всё как надо?

– Нет, я – шуофкан. Это моя судьба и мой выбор. Зачем мне искать другой и становиться б...

Он запнулся, чуть не сказав лишнего.

– Ты ведь сам говорил, что устал от глупых учеников, от пустых встреч и болтовни волшебников. Хотел большого и серьёзного дела, вместо лечения чирьев на властительных задницах.

– Это не то. Я думал...

– Подумай ещё раз.

Лейла обняла шуофкана.

– Ты лучший и я люблю тебя. Выбери так, чтобы не жалеть потом об упущенных возможностях.

– Обещаю, – Хан-Го прижал женщину к себе, – я решу сегодня же, без сомнений и колебаний.

* * *

Он обманул Лейлу. Сомнение грызло Хан-Го как червь, подтачивая решимость. С каждой минутой волшебнику всё больше хотелось плюнуть на просьбу сердара, сбежать, забиться в тайное убежище и переждать грозу. Он ненавидел себя за малодушие и нашёл единственное средство – действовать немедленно.

Выйдя из дома Лейлы, шуофкан отправился в лавку ювелира. Её хозяин, Косой Фируз, отличался скверным нравом и страшной жадностью до денег. Но у него было два неоспоримых достоинства: во-первых, он задолжал Хан-Го услугу; а во-вторых, слыл обладателем самой обширной коллекции камней во всём Гаазире.

– Приветствую достойнейшего из шуофканов, – Фируз согнулся в поклоне, умудряясь при этом с подозрением коситься на посетителя, – в моей скромной мастерской. Да будет путь устлан розами и...

– К делу, Фируз, мне не нужны славословия.

– Чем бедный мастер может помочь прославленейшему из волшебников?

– Я хочу видеть твои камни. Самые крупные из них.

Ювелир недовольно засопел.

– Если почтеннейший скажет, что ему требуется, я с тщанием подберу...

– Фируз, не зли меня, – Хан-Го нахмурил брови, – сейчас нет времени на бессмысленную обходительность. Или ты немедленно показываешь, или я превращу тебя в жабу и найду сам.

– Не страшно, в этом случае в стоимость камней будут входить деньги на возвращение мне человеческого облика. Но тогда, можешь не рассчитывать на скидку.

Хан-Го усмехнулся и покачал головой.

– Когда ты умрёшь, будешь возвращаться из могилы и требовать долги?

Ювелир без улыбки развёл руками: мол, если получится, обязательно приду и соберу с процентами.

– Ладно, хватит шуток, показывай, что у тебя есть. Я действительно спешу.

– Самые крупные?

– Да. Неважно, драгоценные или нет, главное, размер.

– Идём.

Косой Фируз взял с полки лампу, зажёл и поманил шуофкана за собой. Пришлось пробираться за ювелиром по узком

коридорчику, заставленному ящиками, корзинами и всяким хламом.

– Какой величины тебе нужен камень? – не оборачиваясь буркнул Фируз.

– Две ладони в длину. Ширина от трёх пальцев.

– Тогда нам сюда.

Остановившись у маленькой двери, ювелир вытащил связку ключей и с натугой отпер замок.

– Заходи.

Шуофкану пришлось наклониться, чтобы попасть в тёмную комнату с полками на стенах.

– Садись, – Фируз указал на табуретку около кривоногого стола.

С брезгливостью Хан-Го смахнул пыль с грубого сидалища, с опаской присел и стал ждать. Не будь он шуофканом, ювелир ни за какие деньги не пустил бы посетителя сюда. Хранилища, пусть там лежат хоть простые булыжники, не показывают даже ученикам.

– Посмотри, – Фируз положил на стол перед волшебником свёрток.

Осторожно развернув пергамент, Хан-Го вытащил крупный смарагд. Насыщенного, тёмно-зелёного цвета камень. Бесценная драгоценность! Почему он пылится в кладовке жадного ювелира? Хан-Го хотел спросить, но сам уже увидел ответ: смарагд был с порчей. Изумрудную глубину рассекали мутные прожилки породы. Даже если осторожно разбить ка-

мень и выбрать драгоценную часть, после огранки останется горсть заурядных камешков, годных только на перстни.

– Жаль, но не подходит.

Ювелир снова ушёл к полкам и принёс другой свёрток.

– А вот это уже лучше!

В руках волшебника оказался длинный кусок обсидиана. Чёрного как ночь, с мерцающими искрами в глубине. Коротковат! Но если обколоть по краям, а на этом конце сделать рукоять...

– Отложи пока. Если не найду получше, возьму его.

Хмыкнув, Фируз снова ушёл к полкам и принёс ещё один камень. И ещё, и ещё. Хан-Го перебирал камни, крутил в руках, морщился и откладывал. Снова вернулся к обсидиану и долго осматривал. Нет, слишком короткий, да ещё эта трещина по краю.

– У тебя хорошие камни, Фируз. Но, боюсь, это не то что я ищу.

Ювелир, уязвлённый в профессиональных чувствах, засопел.

– Было бы лучше, если бы ты объяснил, что ищешь. У меня есть статуэтки нужных тебе размеров. Будешь смотреть?

Шуофкан неопределённо мотнул головой. То ли отказываясь, то ли соглашаясь от безысходности.

– Кстати, есть вот такая штука. Привёз чёрный купец из-за Песчаного моря.

Осторожно взяв кончиками пальцев, Хан-Го разглядывал

короткий кинжал, целиком сделанный из куска горного хрусталя. Только на рукоятке неизвестный мастер сделал накладки из белой кости.

– Уж не знаю, где он взял её, но камень так не обрабатывают уже сотни лет. Видишь, как грубо сделано лезвие?

Как замороженный, Хан-Го вглядывался в прозрачную глубину. Если найдётся хоть малейший след, что кинжал использовали в ритуалах, для волшебника он будет бесполезен. Ему нужна «чистая» от связи с любимыми божествами вещь.

– Могу уступить тебе его за полцены. Скажем тысяча дирхемов.

– У меня сейчас нет этой суммы. Триста я пришлю тебе сегодня, остальное получишь в следующем месяце.

– Нет, – Косой Фируз даже стал дышать громче, чуя наживу, – Тысячу он стоит сегодня, а завтра будет стоить две. И отдам его, только после того, как услышу звон монет.

С удивлением Хан-Го оторвался от кинжала и взглянул на ювелира.

– Помнится, ты должен был мне услугу, Фируз.

– Услугу, но не деньги. Кинжал стоит тысячу сегодня и две с завтрашнего дня.

– Ты просишь слишком много, за каменный нож плохого качества.

– Не хочешь – не бери. На хороший товар всегда найдётся покупатель.

Пальцы ювелира потянулись к хрустальному лезвию.

Хан-Го вышел из лавки и аккуратно прикрыл за собой дверь. Щёлкнул пальцами, и железный засов намертво запер вход. В тёмной комнатке, рядом с кривоногим столом, лежал Косой Фируз. Мёртвый от жадности и остановившегося сердца.

* * *

Вернувшись домой, Хан-Го занялся приготовлениями. Хрустальный нож следовало укрепить, чтобы не сломался в самый ответственный момент, и заточить до бритвенной остроты. В ход пошла магия: тайные символы, выписанные на лезвии кровью чёрного петуха; кипящие, без огня, эликсиры, в которые шуофкан погружал клинок; страшные слова, произносимые только в темноте.

Его прервали. Опустив нож в очередной сосуд с густой жидкостью, Хан-Го почувствовал, что в дом вошёл чужой. Оставив драгоценность, шуофкан вышел во внутренний дворик.

– Здравствуй, Хан.

Его ждал учитель Балх. В старом полосатом халате, с простой тибетейкой на седых волосах, больше похожий на дехканина, чем на могущественного волшебника.

– Ты давно не был у меня, учитель.

– Кажется, я приходил сюда лишь раз. В день, когда ты вошёл в Малый круг.

Хан-Го улыбнулся. В тот день он устроил праздник, пригласив старших шуофканов. И впервые позволил себе отбросить маску серьёзности и беззаботно веселиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.